

Элизабет Торнтон

Опасная близость

Элизабет Торнтон

Опасная близость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141637

Опасная близость: Эксмо-Пресс; Москва; 1999

Оригинал: Elizabeth Thornton, "Dangerous to Hold"

Перевод:

В. Г. Минушин

Аннотация

Однажды на темной лондонской улице граф Ротем, беспутный повеса и баловень женщин, встретил девушку, очень похожую на его давно пропавшую жену. Но рыжеволосая, острая на язычок Кэтрин никак не могла быть знойной красавицей испанкой Каталиной, с которой он когда-то сочетался браком при самых странных обстоятельствах. Преследуя свои тайные цели, он попросил девушку сыграть роль его жены. Кэтрин согласилась, но на это у нее были свои собственные причины.

Содержание

Пролог	4
1	21
2	40
3	62
4	79
5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Элизабет Торнтон

Опасная близость

Пролог

Испания, декабрь, 1812

Это было пленительное зрелище: то, как она сидела за маленьким столиком у огня, склонясь в глубокой задумчивости над тетрадью. Маркус притворялся, что спит, и смотрел со своего соломенного тюфяка, как она обмакивает перо в чернила и вновь принимается писать. Если не думать о дожде, льющем сквозь дырявую крышу, не обращать внимания на черные от гари стены, можно было легко вообразить, что он в родной Англии. Боль в ранах заставляла его то и дело просыпаться; и всякий раз, как прерывалось его забытие и он приоткрывал глаза, ему неизменно представало то же восхитительное видение.

Крохотная келья казалась будуаром, а женщина за столиком — дамой, которая, присев к секретеру, пишет письма или отвечает на многочисленные приглашения. В это время года они могли бы находиться в Ротеме, встречать Рождество. Обеды, балы, прекрасные девушки с благоухающими волосами и бархатистой кожей, в невесомых платьях из кисеи. Но как ни прелестны были те английские красавицы, они не

шли ни в какое сравнение с дамой, сидевшей за секретером. Дождь усилился, с грохотом обрушив потоки воды на черепичную крышу, и чары развеялись. Он был не дома, в Англии, а в заброшенном монастыре, стоящем среди холмов на границе между Португалией и Испанией, глубоко во вражеском тылу. Он чудом остался жив, отбитый у французского патруля партизанским отрядом Эль Гранде. И девушка, с сосредоточенным видом сидевшая за столиком, вполне возможно, подсчитывала боеприпасы, израсходованные в жестоких боях с французами.

Она была столь же опасна, сколь хороша собой. Пистолет, лежавший справа от нее на столике, был не пустой игрушкой, как и острый кинжал у нее за кожаным поясом. Эти женщины сражались бок о бок со своими мужчинами и расправлялись с врагами с невиданной жестокостью.

Каталина. Ему нравилось, как звучит ее имя. Нравился ее голос. Маркус не знал, сколько времени провел в этой келье, то приходя в сознание, то вновь впадая в забытие; но в одном он был уверен — это она выходила его, не позволила умереть. Чувствуя прикосновение ее рук, он не мог думать о ней как о солдате. Она была нежной и женственной, и ему хотелось быть ближе к исходящему от нее теплу.

По-прежнему притворяясь спящим, он застонал, но не потому, что мучительней стала боль в ранах, а надеясь привлечь ее внимание. Каталина не приближалась к нему, когда он был в сознании и не спал. И если он обращался к ней в это

время, шепча ее имя, она выходила из кельи, и мгновение спустя появлялся Хуан.

Маркус почувствовал, как прохладная ладонь легла на лоб, и приоткрыл веки, чтобы лучше видеть ее. На эту девушку стоило смотреть: длинные темные волосы, правильные черты лица, говорящие о сильном характере, глубоко сидящие глаза, затененные густыми черными ресницами. На ней была мужская рубашка и юбка-брюки, наряд, который Маркус видел только на этих воинственных женщинах, но он лишь подчеркивал ее женственность. Маркус едва взглянул на нее, как в нем вспыхнуло желание – яростное, первобытное – схватить ее, овладеть.

Его самого позабавил этот порыв. Если в теперешнем своем состоянии он посмел бы коснуться ее хоть пальцем, она в единый миг расправилась бы с ним. Всадила бы не задумываясь острый кинжал в грудь. А если б ему и удалось отвести удар, ей стоило только крикнуть, и мгновенно появившийся Хуан сделал бы это за нее. В Испании мужчина рисковал головой, если позволял себе вольности с девушкой.

Черт возьми! Когда это его останавливало?

Она осматривала его раненое плечо, меняла пропитавшуюся кровью и гноем повязку. Он тихо простонал:

– Изабелла? – хотя прекрасно знал, что девушку зовут Каталиной.

Она замерла на мгновение, но, почувствовав, что опасаться нечего, проговорила что-то успокаивающее и стыдли-

во отвернула простыню, чтобы проверить повязку на бедре. Маркус едва сдерживал улыбку.

Как бы невзначай он обнял ее за талию. Глаза его по-прежнему оставались закрыты.

– Изабелла, любимая... Поцелуй меня.

Считая, очевидно, что он бредит, Каталина взяла чашку с водой, стоявшую рядом на полу, и, одной рукой поддерживая ему голову, поднесла к губам. Маркус медленно, очень медленно отпил из чашки. Ее грудь дышала возле его груди; ладони ощущали тонкую гибкую талию. Он допил воду, и когда она сделала движение, чтобы подняться, крепко стиснул ее и поднял голову. Она застыла от изумления, и Маркус поцеловал ее. Ему, конечно, хотелось поцеловать ее не так, не этим целомудренным поцелуем. Тем не менее он приготовился получить неминуемую пощечину. Когда, однако, удара не последовало, он откинулся на тюфяк и испытующе посмотрел на нее. Ее глаза под тяжелыми веками выражали растерянность. Синие глаза, с удивлением отметил он.

– Каталина... – У него из головы вылетело, что он изображал забытье.

И тогда она ударила его. Маркус застонал, на этот раз непритворно, а она резко высвободилась из его ослабевших рук и отскочила в другой конец комнаты.

Он усмехнулся и осторожно приподнялся на локте.

– Мои извинения, сеньорита. Я принял вас за другую. Понимаете? Мне показалось, что вы Изабелла.

Каталина гневно выпрямилась и обрушила на него поток слов. Когда же он пожал здоровым плечом, показывая, что ничего не понимает, шумно вздохнула и заговорила на ломаном английском:

– Матерь Божья! Это España. Испания, сеньор. Если мой брат... если Эль Гранде... никогда не прикасайтесь ко мне, не целуйте. Никогда! Иначе будете жестоко наказаны. Понятно?

Маркус прекрасно понимал, насколько опасен Эль Гранде. Хотя это был совсем еще молодой человек, о нем уже ходили легенды. Одни говорили, что он сын испанского аристократа, другие – что в то время, как французы вторглись в Испанию, он был бедным студентом университета в Мадриде. Его подвиги были предметом гордости испанского простолюды.

Впрочем, Маркус полагал, что многое в историях о молодом человеке было преувеличено фантазией рассказчиков. Человек не мог быть столь варварски жесток. Несомненно было одно: Эль Гранде, не зная устали, воевал с французами и порою не останавливался перед крайними мерами. Некий французский офицер, желая подрезать Эль Гранде крылышки, отдал приказ расстреливать заложников всякий раз, когда тот нападал на его солдат. Партизанский вожак ответил тем, что стал казнить четырех французов за каждого расстрелянного испанца. В конце концов офицеру пришлось оставить свою затею.

Маркус осторожно сел и послал ей обольстительную улыбку, надеясь смягчить ее. Но безрезультатно.

– Эль Гранде убьет меня? Это вы хотите сказать?

– Убьет! – вскипела Каталина, видя, что он не принимает ее слова всерьез. – Хуже, куда хуже!

– Станет пытаться? Вряд ли. Ведь я и в самом деле просто ошибся.

Помолчав, она сказала:

– Это хуже пыток.

Он уловил насмешку в ее голосе и решил подыграть:

– Что может быть хуже пыток?

– Заставит жениться, *сепор*. Это вас не пугает?

– Для этого потребуется священник, *сеньорита*.

Каталина улыбнулась:

– *Si*. Да. Наш падре играет в карты с Хуаном. Привести его?

Маркус не улыбнулся в ответ.

– Я это учту, *сеньорита*.

Она мгновение внимательно смотрела на него, потом принялась собирать письменные принадлежности.

– Нет, не уходите, – запротестовал Маркус. – Пожалуйста! Оставайтесь. Поговорите со мной.

Он судорожно пытался припомнить еще какие-нибудь испанские слова, но те, что Маркус знал, он слышал главным образом от продажных девок, следовавших за армией, и эти выражения не могли помочь ему в обращении к девушке

столь строгих нравов. Как по-испански будет «поговорить»? – Parler, – сказал он. Это было французское слово, но Маркус надеялся, что она поймет.

Поколебавшись, она села.

– О чем вы хотели поговорить?

– Хотя бы о вашем брате, для начала.

– О брате?

– Хочу поблагодарить его, ведь он спас меня.

– Эль Гранде сейчас здесь нет. Он... как это вы говорите... сражается с нашими врагами.

– Когда он вернется?

– Скоро, очень скоро, когда дождь прекратится. Реки... – Каталина беспомощно пожала плечами, подыскивая английские слова. – Слишком опасно переправляться.

– Кто же в таком случае исполняет его обязанности?

Она непонимающе посмотрела на него:

– Кто?..

– Кто сейчас у вас за главного?

– Хуан.

– Хуан? – недоверчиво переспросил Маркос. – Он единственный мужчина в лагере? – Хуану вряд ли было больше семнадцати.

Глаза ее были опущены, и у него возникло странное ощущение, что Каталина смеется над ним, но, когда она подняла голову, лицо ее было серьезно, а глаза ясны.

– Здесь есть женщины-воины, сеног, и падре, и другие ан-

гличане.

– Какие англичане?

– Солдаты, как и вы. Эль Гранде их тоже спас.

– И сколько их?

– Шесть, – показала она на пальцах.

– Так много? Кто они? Где находятся?

– Не могу сказать. Я не разговариваю с англичанами. Брат мне запрещает. Я пришлю Хуана. Он ответит на все вопросы.

Каталина легко поднялась, сунула пистолет за пояс, собрала тетрадь, чернильницу, перо и заперла их в резном комоде, стоявшем сбоку от камина.

Она была уже возле двери, когда Маркус позвал:

– Постойте, Каталина!

– Senor? – Она холодно взглянула на него, уловив повелительные нотки в его голосе. Маркус тотчас сменил тон:

– Но ведь вы навещаете меня, а я англичанин?

– Я прихожу сюда, чтобы побыть одна или что бы сменить свечу и проследить за камином. И конечно, чтобы ходить за вами, когда Хуан занят. Но теперь вы поправляетесь и должны понять меня. Брат будет очень гневаться, если узнает, что я была у вас.

– Это ведь ваша комната? – спросил Маркус. Он внимательно посмотрел на комод, и у него мелькнула догадка. – Вы приходите сюда писать?

Она опустила глаза.

– Что же вы пишете?

– Как это у вас называется... *diario* – дневник.

– Вы ведете дневник?

– Si.

– О чем же вы там пишете?

– О том, что важно женскому сердцу.

– Что же важно вашему сердцу, Каталина? Мечтаете ли вы о любви?

Она неопределенно улыбнулась.

– Разве всякая женщина не мечтает о любви?

– Нет, некоторые мечтают о прекрасных нарядах, дорогих украшениях, толпе поклонников. – Он помолчал. – Могла бы такая девушка, как вы, мечтать о мужчине вроде меня: простом солдате, которому нечего предложить, кроме жизни, полной лишений?

– Могла бы. Вы, я думаю, привлекательны на свой, английский, лад. – Каталина изучающе по смотрела на его темные волосы, дочерна загорелое лицо.

– Говорят, – заметил Маркус, – что я мог бы сойти за испанца.

– Никогда! Вы слишком большой. Хуан не может найти вам одежду по росту.

– Мой мундир, наверно, пострадал от французских пик?

– Еще и залит вашей кровью. Эль Гранде говорит, что вы дрались отчаянно, что вы очень храбрый.

– А вы очень красивы.

Она посмотрела на него в упор долгим взглядом, но отве-

тила коротко:

– Запомните, senor. Больше никакой Изабеллы. Никогда! Понятно? – Лицо ее было сурово.

– Никогда, – пообещал Маркус. – Вы придете завтра? Не надо бояться меня. Право, не надо.

– Там будет видно, – ответила она и вышла, тихо притворив дверь.

В течение следующих трех недель Маркус постепенноправлялся, и чем больше он набирался сил, тем нетерпеливее становился. Ситуация складывалась критическая. Армия Веллингтона откатывалась к Лиссабону, отдавая французам завоеванную территорию и неся огромные потери. И в это время он, боевой офицер-кавалерист, вынужден был сидеть сложа руки в этом убежище, не имея возможности помочь соотечественникам. У него было такое чувство, будто он находится на необитаемом острове.

Другие англичане, которых в свое время спас тот же Эль Гранде, относились к своему положению спокойней. У всех у них, не в пример Маркусу, раны были легкими, и старший по званию, майор Шепард, не позволял им бездельничать, поручив помогать женщинам охранять лагерь, расположенный в монастыре. Иногда, добравшись с трудом до узкого окна башни, Маркус видел их в монастырском дворе.

Англичан было шестеро: три драгунских офицера, юный знаменосец и двое стрелков из 95-го полка. Не будь Маркус в таком тяжелом состоянии, когда партизаны принесли его в

свой лагерь, его поместили бы в монастырской часовне вместе с другими англичанами. Он и сейчас был еще не в том состоянии, чтобы его можно было перевести в часовню, и потому офицеры сами навещали его. Стрелки же, и здесь державшиеся особняком, к нему не приходили.

Каталина никогда не появлялась, если у него бывали посетители. Она вообще избегала англичан, делая исключение только для Маркуса: появлялась каждый вечер и оставалась у него, пока не догорала свеча. Иногда она делала записи в своем дневнике, но чаще всего они просто разговаривали. Он очень интересовал ее, как и она – его. Она рассказывала о гордом и свободолюбивом испанском народе, страдающем от нашествия французов, а он говорил о далекой Англии и жизни, к которой вернется, если не погибнет в сражениях.

Но было нечто, о чем Маркус предпочитал умалчивать, когда рассказывал о себе. А именно: что он не простой солдат, каким представлялся ей. Она знала его как Маркуса Литтона, капитана 3-го драгунского полка. В действительности же он был лордом, графом Ротемом, богачом, владельцем огромных поместий в Англии. Хотя в полку его родовитость и богатство ни для кого не были секретом, он никому не позволял называть себя ни лордом, ни графом. Ему претило, что его титулы вызывают подобострастие и отдаляют его от тех, кого он любил и уважал.

В отношениях с женщинами все было иначе. Иногда он довольно беззастенчиво использовал свое богатство и знат-

ность, чтобы заманить их в постель. Он открыл для себя, что даже ничтожный человек может легко вскружить голову женщине, если обладает порядочным состоянием. Естественно, Маркус был не слишком высокого мнения о женщинах, считая их алчными и беспринципными, готовыми продавать свое тело за наряды и побрякушки.

Но к Каталине это не относилось. Его восхищали ее отвага и чувство собственного достоинства. Она вела трудную и полную опасностей жизнь, но таков был ее выбор. Такая красивая девушка, как Каталина, легко могла найти себе богатого покровителя или состоятельного мужа. Вместо того она связала свою судьбу с повстанцами.

Маркус не был уверен, что она обрадуется, узнав, кто он на самом деле. Ему не хотелось, чтобы что-нибудь менялось в их отношениях. Сейчас она смотрела на него просто как на мужчину. И то, что она видела, явно нравилось ей. В этом Маркус ничуть не сомневался. Когда они бывали вместе, между ними словно искра пробежала – искра взаимного желания. Иногда он забывал следить за своим лицом, и тогда Каталина останавливалась посреди фразы и, не слушая его протестов, покидала комнату. Но всегда возвращалась, и он знал, что ее тянет к нему – почти так же, как его к ней.

Монотонный, наводящий тоску дождь наконец прекратился. А спустя три дня в монастырь прибыл отряд Эль Гранде. Маркус из окошка башни смотрел на разношерстную толпу всадников, одетых кто во что горазд: одни – в домотканое

крестьянское платье, другие – в мундиры и башмаки, снятые с убитых французских солдат. Черные лошади выглядели свежее своих измученных седоков.

Услышав, как скрипнула дверь, он повернул голову. Каталина встала рядом с ним у окна. На ней было белое платье, распущенные черные волосы струились по плечам. В глазах поблескивали предательские слезы. Маркус тут же забыл о людях во дворе.

– Вода в реке спала, – сказала она. – Можно переправляться. Нынче ночью ты покинешь лагерь.

Чтобы не испугать ее, он лишь стиснул ее ладони и прижал их к своей груди.

– Послушай, Каталина, – горячо заговорил он. – Мы расстаемся не навсегда. Я найду способ увидеться с тобой. Ты понимаешь меня? Я разыщу тебя, даже если нам придется ждать, пока не кончится война. Даю тебе слово.

В ответ она сказала дрожащим голосом:

– Один раз, один только раз хочу почувствовать прикосновение твоих губ.

Маркус поцеловал ее нежным, невинным поцелуем, и тут, словно дикарка, она яростно укусила его за нижнюю губу. Он дернул головой, и в тот же момент Каталина ударила его по лицу.

Он не успел рассердиться, настолько поразила его ее выходка. Но тут Маркус понял, что она еще не знала мужчин, и укорил себя за то, что невольно испугал ее.

– Каталина, – сказал он, – не надо бояться меня. Я не сделаю тебе ничего дурного.

Она отступила назад, и он увидел следы крови, своей крови, на ее губах. На лестнице раздался стук башмаков, смех, и мужской голос, перекрывая другие голоса, позвал ее по имени. Даже когда она, рванув, разодрала на себе платье от подола до пояса, обнажив бедро, Маркус еще ничего не понял и стоял, не зная, что делать.

Каталина закричала что-то по-испански, и за дверью внезапно наступила тишина. Каталина выхватила кинжал, словно защищаясь, и жестко сказала:

– Эль Гранде убьет тебя, когда увидит, что ты пытался взять меня силой.

Молнией сверкнула в голове догадка. Не первый раз женщина пыталась устроить ему ловушку, но впервые это у нее получилось. Его окровавленная губа, красный след от пощечины, ее порванное платье – все явно подтверждало его вину.

Времени на объяснение не было. Едва он шагнул к ней, как дверь, загремев, распахнулась; Каталина отбросила кинжал и кинулась на грудь смуглому человеку, переступившему порог. Маркусу он показался совсем юным, моложе Каталины. Следом за ним в комнату ворвались несколько вооруженных людей и оттеснили Маркуса, прижав его к стене. В ярости оттого, что его предали, он бешено сопротивлялся, позабыв о ранах, не чувствуя боли. Трое человек повисли на

нем, не давая добраться до девушки, и только приставленный к горлу нож заставил его прекратить борьбу.

Маркус не мог понять, почему она так поступила, но тут уловил в ее быстрой гортанной речи знакомое слово «Ротем», и ему все стало ясно. Каким-то образом Каталина узнала, кто он на самом деле, и тогда составила план, намереваясь осуществить его, когда брат вернется в монастырь. Он никак не мог успокоиться. Его провели, как мальчишку. Все в ее поведении было обманом. Не мужчина по имени Маркус Литтон привлекал ее, а то, чего желает всякая женщина, – богатство, положение в обществе.

Когда Каталина наконец замолчала, Эль Гранде, отстранив ее, подошел к Маркусу и, устремив на него бесстрастный взгляд черных глаз, спросил на безупречном английском:

– Так-то англичане отвечают на дружеское гостеприимство?

Маркус молчал, не сводя с Каталины сверкающих ненавистью глаз. Потом не выдержал:

– Лживая дрянь! Надо мне было воспользоваться моментом, когда ты предлагала себя. Шлюха! Puta!

Удар Эль Гранде заставил его рухнуть на колени. Сплюнув кровь, Маркус процедил сквозь стиснутые зубы:

– Все равно не женюсь на тебе. Никогда! Последовал новый удар, и Каталина закричала.

Когда Эль Гранде вновь поднял кулак, она бросилась к нему, заслонив собою Маркуса, и что-то заговорила умоля-

ющим тоном. Она говорила долго; Эль Гранде молча слушал ее.

Наконец Эль Гранде отдал короткое приказание, и его люди рывком поставили Маркуса на ноги. Отступив на шаг, Эль Гранде окинул его оценивающим взглядом, отчего стал похож на безобидного мальчишку. Маркусу с трудом верилось, что перед ним легендарный вожак повстанцев, одно имя которого наводило ужас на врагов.

– Тебе повезло: моя сестра любит тебя, – сказал Эль Гранде. – Ты женишься на ней, *senor*, в противном случае твои друзья англичане заплатят за твой грех.

Маркус посмотрел в его безжалостные черные глаза и понял, что проиграл.

В тот же день, вечером, их обвенчали в разрушенной монастырской церкви; сквозь обвалившуюся крышу им сияли яркие звезды. Обряд совершили наскоро. Эль Гранде задумал проводить под покровом ночи Маркуса и его соотечественников до английских позиций, и ему не терпелось поскорей отправиться в путь. Жених и невеста держались напряженно, однако среди остальных свидетелей церемонии царил праздничное веселье. Они знали, что Каталина поймала в свои сети английского лорда, но, хотя свадьба и была скоропалительной, Хуан позаботился о том, чтобы все, в том числе и соотечественники Маркуса, поверили, что молодые люди влюблены друг в друга. Когда новобрачный поцеловал невесту, никто не заметил ненависти в его глазах и холодно-

го блеска – в ее.

Раздались веселые крики, поздравления; он притянул ее к себе и зловеще улыбнулся.

– Теперь ты принадлежишь мне, Каталина, а не брату. Подумай об этом, пока меня не будет. Когда-нибудь придет день расплаты, и ты, змея, увидишь, как твоя победа обернется против тебя.

Маркус поцеловал ее – не прежним, уважающим ее невинность, поцелуем, а безжалостно, грубо, так, что голова Каталины запрокинулась назад. Она дернулась и обмякла, безвольно повиснув в его руках. Маркус крепко обхватил ее талию и привлек к себе, плотно прижавшись бедрами к ее бедрам. Со стороны они действительно напоминали влюбленных, застывших в страстном объятии, их поцелуй был встречен одобрительным ревом.

Когда он отпустил ее, Каталина попятилась, прикрывая ладонью вспухшие губы. На побледневшем лице ее глаза казались огромными, и Маркус кивнул, удовлетворенный тем, что прочитал в ее взгляде.

Тихо, ледяным тоном он сказал:

– Ты прогадала, леди Ротем. Помни об этом, когда будешь мечтать о богатстве и титуле графини.

Круто повернувшись, он, не оглядываясь, направился сквозь толпу улыбающихся испанцев к соотечественникам, которым не терпелось отправиться в путь.

Англия, август 1815

Катрин протяжно вздохнула, выпрямилась в кресле и потерла затекшую от долгого сидения спину. Прическа ее растрепалась; она вынула шпильки и собрала вьющиеся ярко-рыжие пряди в свободный узел на затылке. Пол вокруг кресла был усеян скомканными листами бумаги; пальцы ее испачкались чернилами. Она уже давно сидела за столом, но написанное не удовлетворяло ее.

Хотелось все бросить, но надо было продолжать. Мелроуз Ганн, владелец «Джорнэл», ждал ее статью самое позднее завтра к вечеру. Существовала и другая причина, чтобы довести работу до конца. Позарез нужны были деньги. Катрин, конечно, не бедствовала. У нее оставался этот маленький дом и скромный ежегодный доход, который давало имение отца, но его едва хватало на прожитие. Врачи, особенно армейские, редко бывали состоятельными людьми.

Тяжело вздохнув, она собрала листки и внимательно перечитала написанное. Это был первый из серии очерков, посвященных отвратительным условиям жизни солдат и их семей, с требованием к правительству радикального их улучшения. Теперь, когда война была закончена и Наполеон заточен на острове Святой Елены, наступило самое подходящее время осуществить изменения, которые она предлагала.

Катрин знала не понаслышке то, о чем писала. Она все видела собственными глазами, когда сопровождала отца в испанском походе.

Отличительным знаком Э.-В. Юмена – таким псевдонимом она подписывала свои статьи – была точность. Если она писала о Ньюгейте, читатели могли быть уверены, что она лично осматривала эту тюрьму. «То есть не она, а он», – поправила себя Катрин. Авторов-женщин еще как-то воспринимали, когда они писали на банальные темы вроде воспитания детей и благотворительности. Если же они пытались выйти за пределы этого ограниченного круга тем и высказывались о вещах серьезных, используя отпущенный им богом талант, то становились всеобщим посмешищем. Как ни ужасно, но таково было положение вещей. Если бы вдруг открылось, что под именем «Э.-В. Юмен» скрывается женщина, никто не стал бы воспринимать ее статьи всерьез, издатели потеряли бы к ней интерес и она осталась бы без работы.

Наморщив лоб, Катрин сосредоточилась на написанном. Она не была полностью удовлетворена статьей, но не сразу поняла, в чем дело. Она взяла неверный тон – слишком строгий, слишком критичный. Это было не похоже на обычную манеру Э.-В. Юмена, который достигал цели шуткой, ироничным намеком. Придется все переписывать.

Катрин взглянула на часы на каминной полке. Сейчас этим заниматься ей некогда. Скоро совсем стемнеет, а ей еще предстоит важная встреча. Встреча? Что ж, пожалуй, это

подходящее слово, хотя сестра не ждет ее, во всяком случае, не в столь поздний час. Катрин уже дважды заходила к ней, но лакей оба раза не впускал ее. Она посылала сестре письма, на которые не получала ответа. Но на сей раз ничто не остановит ее: она повидает Эми.

Катрин встала, выдвинула верхний ящик стола и, аккуратно сложив, спрятала исписанные страницы. Из другого ящика достала отливающий вороненым блеском пистолет французской работы, который ей подарил отец, нашедший его при осаде Бадахоса. Ей всегда казалось, что когда-то он принадлежал возлюбленной французского офицера, который специально для нее заказал его у парижских мастеров, хотя, конечно, это были всего лишь ее предположения. Он был необычайно легкий и изящный, хотя такое слово не слишком подходило к оружию. Из глубины ящика Катрин достала порох и пули и принялась за дело. Движения ее были проворными и привычными: отец научил ее заряжать эту красивую, но смертоносную вещицу, и она проделывала это несчетное число раз.

Катрин покачала головой при мысли о том, чем ей придется заниматься. Почему это случилось с ними? Можно ли было представить, что все так обернется?

Когда-то – сейчас казалось, что это было сто лет назад, – они счастливо жили в этом доме на тихой окраине Хэмпстед-Хит, похожей на деревню, хотя до центра Лондона было всего четыре мили. Они жили небогато, но вполне были

довольны тем, что имели, и не желали большего. У отца была хорошая практика, и он пользовался уважением в округе. Он был человеком образованным, как и их мать.

Она некоторое время служила гувернанткой и сама занималась образованием собственных двух дочерей. Счастливый мир рухнул в одночасье, когда внезапная смерть унесла их мать.

Катрин было двенадцать, когда в их доме появилась сестра отца. Тетя Беа была строга, если не сказать сурова, не в пример их покойной матери. Катрин легко приспособилась к новым порядкам в доме, но Эми постоянно восставала. Она была намного старше Катрин и намного красивее. Ей исполнилось восемнадцать, она обожала вечеринки и компанию своих сверстников. Ей хотелось иметь красивые наряды, брать уроки танцев и все такое, на что, по ее мнению, она имела право. Она устраивала бурные сцены, тайком ускользала из дому, чтобы встречаться с друзьями, которых никогда не знакомила со своими близкими.

Тетя Беа пробовала жаловаться на нее брату, но не нашла у него поддержки. Мартин Кортни потерял всякий интерес к окружающему, погруженный в глубокое отчаяние. Частенько он уходил куда-нибудь залить свое горе вином. Он до самой смерти так и не смог примириться со своей потерей.

Катрин стиснула рукоять пистолета и вновь спросила себя: почему это случилось с ними? Они с Эми остались одни на свете.

У нее есть сестра, и в то же время словно и нет никого, ни единой родной души.

Хлопнула задняя дверь, и в кухне раздались негромкие голоса. Катрин упрекнула себя. Как может она сетовать на одиночество, когда есть мистер и миссис Макнолли. Мистер Макнолли служил в денщиках у ее отца во время испанской кампании. Миссис Макнолли была с ним в Испании в числе немногих солдатских жен, получивших разрешение сопровождать в походе мужей. Катрин тоже исполнила свой долг и была с отцом, и, хотя он запретил ей следовать за ним, она рада была, что не послушалась его. Останься она тогда дома, и они не провели бы последний год его жизни вместе, и она никогда не встретила бы чету Макнолли. Эти люди были больше, чем просто слугами. Все вместе они перенесли опасности и тяготы войны, а это как ничто другое сближает людей.

Эти мысли заставили Катрин вспомнить о статье. Она обязана ее закончить. Приходится думать не только о себе. От нее зависят мистер и миссис Макнолли. Что с ними станет, если она не позаботится о них, не заплатит им вовремя? Столько мужчин возвращаются с войны, работу найти стало трудней, а супруги Макнолли отнюдь не молодеют. Завтра она должна закончить статью.

Катрин поспешила наверх в спальню. Хотя только что началась осень, наступили ранние холода. Она надела коричневое летнее пальто, вполне еще приличное, пришлось только

поменять обтрепавшийся черный кант на обшлагах и подоле. Миссис Макнолли позаботилась об этом. Черные кожаные ботинки тоже благодаря заботам старой служанки стояли начищенные. Катрин ничем не заслужила такой преданности. Всего-навсего дочь своего отца, но этого было довольно для мистера и миссис Макнолли, чтобы окружить ее заботой.

Надев перед зеркалом шляпку с опущенными полями, она задержалась, разглядывая свое отражение. Скоро ей исполнится двадцать шесть. Заметно это по ней? Еще немного, и она превратится в старую деву. Старую деву. Как она ненавидит это выражение!

Несколько минут Катрин с беспокойством рассматривала себя в зеркале, потом ее охватило раздражение. Слишком много думать о своей внешности недостойно женщины, предмет гордости которой – ее ум. Тетя Беа вдалбливала это ей, пока она не стала взрослой. И Катрин не очень беспокоилась о своей внешности. Она и сейчас не задумалась бы об этом, если б не встреча с Эми, изысканной и элегантной Эми.

Она надвинула шляпку на брови и невидящим взглядом уставилась в зеркало, вспоминая их последнюю встречу. Как-то ее подруга Эмили и ее муж пригласили Катрин в Королевский театр, где давали «Бахуса и Ариадну». В антракте Эмили, обводя взглядом ложи, называла ей присутствующих на спектакле. Катрин редко бывала в театре и наслаждалась зрелищем, когда взгляд ее упал на красавицу в ложе, окруженную толпой восхищенных мужчин. Катрин вытяну-

ла шею, чтобы лучше разглядеть даму, и сердце у нее упало. Она узнала Эми.

— Это, — сказала Эмили вполголоса, — миссис Спенсер, самая известная лондонская куртизанка. Говорят, среди ее любовников и сам принц Уэльский.

Катрин была слишком подавлена, чтобы что-нибудь сказать, да в любом случае она ничего не сказала бы. Слишком больной была эта тема, чтобы обсуждать ее даже с лучшей подругой.

Она тряхнула головой, избавляясь от неприятного воспоминания, спрятала под шляпку пряди непослушных рыжих волос, чтобы их вообще не было видно. Волосы обязательно выдадут ее, а Катрин не хотела, чтобы лакеи в доме Эми узнали ее прежде, чем она переступит порог. Завязав ленты шляпки под подбородком, она взяла ридикюль и повесила его на руку. Перчатки не понадобятся. Мамина меховая муфта больше подходит для того, что она задумала. В ней так удобно прятать пистолет.

В город Катрин отправилась в старомодной коляске, принадлежавшей еще ее отцу. Макнолли поднял верх, чтобы защитить ее от мелкого морозящего дождя, а сам взобрался на козлы. Смеркалось. Скоро совсем стемнеет, и в фешенебельных кварталах закипит светская жизнь: балы, приемы, музыкальные вечера. Она намеренно выбрала это время для своего визита.

Макнолли был уверен, что они, как обычно, отправятся к

Королевскому театру на Хеймаркет. Он привык к странным поездкам госпожи и думал, что и на сей раз она едет, чтобы раздобыть материал для тех статей, какие она пишет для «Джорнэл». Мистер и миссис Макнолли были в числе тех немногих, кому известно было, кто скрывается под именем Э.-В. Юмен.

Так что сейчас Макнолли не волновался – та часть города, куда они направлялись, была относительно безопасной. Бывало, они оказывались в таких местах, что у мистера Макнолли дыбом вставали остатки волос на затылке. Одним из таких мест был Ньюгейт. Другим – рыбный рынок на Уайт-чепел. Он прекрасно знал, что Катрин не какая-нибудь кисейная барышня, что она сумеет постоять за себя. Как и его Мэри, в Испании она показала большее мужество, чем многие закаленные в боях вояки. Тем не менее он тревожился за нее, а иногда даже думал: уж лучше бы она была кисейной барышней. Такие скорее находят себе мужа.

По его мнению, Катрин ничего не стоило обзавестись мужем, задайся она такой целью. Взять хотя бы этого издателя, Мелроуза Ганна. Чем не жених? Он видел, какими глазами Ганн смотрит на нее, не обращая внимания на множество людей, толпящихся в редакции. А на нее стоило полюбоваться или, по крайней мере, стоило бы, уделить Катрин немного внимания своей внешности. Не помешало бы и научиться кое-каким манерам, более приличествующим леди. Джентльмены, как правило, благоволят к девицам кротким,

мягким, покорным – а Катрин была им полной противоположностью. Его Мэри винила тетку Катрин за то, что девушка равнодушна к тому, как выглядит, а ее отца – что она выросла такой независимой. Мартин Кортни, когда Катрин приехала к нему в Лиссабон, предоставил ей больше свободы, чем подобало девушке.

Как бы там ни было, печальная правда состояла в том, что Катрин стала «синим чулком», одной из тех женщин, для которых высокие материи важнее успеха у мужчин. Она хотела ни больше ни меньше как переделать мир. Макнолли фыркнул. Что ж, если это кому под силу, так только ей.

К тому времени, как они подъехали к Королевскому театру, дождь прекратился. Катрин секунду постояла на тротуаре, оглушенная и ослепленная кипевшей вокруг жизнью. Хеймаркет была одной из самых оживленных улиц города. В нескольких шагах отсюда располагался Вестминстер, где заседал парламент, и Карлтон-хаус, великолепный дворец принца-регента. Кофеен, клубов и ресторанов здесь было больше, чем где-либо еще в Лондоне.

Катрин все здесь нравилось: разносящийся в воздухе аромат кофе и пива, стук колес многочисленных экипажей по булыжной мостовой, а особенно людская толчея, не прекращающаяся до поздней ночи. Куда спешат все эти люди? Чем занимаются, о чем мечтают, чего желают?

Последняя мысль отрезвила ее. Впечатление было обманчивым. Эти блеск и оживление скрывают под собой печать

порока, ведь район печально знаменит своими многочисленными публичными домами.

Макнолли недовольным взглядом проводил Катрин, которая пересекла улицу и скрылась в дверях Королевского театра. Она никогда не позволяла ему сопровождать себя, когда брала у кого-нибудь интервью, утверждая, что человек не станет откровенничать в присутствии свидетеля. Хотя ему не нравилось, когда она уходила куда-нибудь одна, приходилось мириться с этим. Слишком давно Катрин стала сама себе хозяйкой.

Подъехал наемный экипаж, и кучер потребовал, чтобы Макнолли убрал свою коляску. Но Макнолли так смачно выругался в ответ, что кучер только рот разинул, посмотрел на крепкого шотландца со свирепым лицом и решил не связываться. Только пробормотал себе под нос:

– Чертов чужак!

Отразив попытку согнать его с места, Макнолли уселся поудобней и приготовился к долгому ожиданию.

Оказавшись в фойе театра, Катрин услышала раздавшиеся аплодисменты и поняла, что скоро внизу появятся зрители, покидающие зал. Минуту спустя она уже выходила из театра через боковой выход. На эту уловку она пошла исключительно ради Макнолли. Ей не хотелось, чтобы он расстраивался, узнав, что цель ее вылазки в город – Пэлл-Мэлл и пользовавшийся самой дурной славой дом на ней, в котором не стихало веселье. Всем была известна миссис Спенсер,

лондонская куртизанка, и ее особняк на Пэлл-Мэлл. Катрин тоже слышала о ней, но до того, как увидела сестру в театре, не догадывалась, что миссис Спенсер и Эми – одно лицо.

Сиявшая газовыми фонарями и окнами многочисленных кофеен и таверн Пэлл-Мэлл была по вечерам самой освещенной и потому самой безопасной улицей в городе. Тем не менее женщина без провожатого и здесь подвергалась немалому риску. Катрин стиснула в муфте пистолет и ускорила шаг.

Она была уже возле нужного ей дома, когда к парадному крыльцу подкатила карета. Катрин отступила в проулок и оттуда наблюдала, как из кареты вышли три молодые женщины со своими спутниками. Дамы, сверкающие драгоценностями и одетые, невзирая на вечернюю прохладу, в декольтированные газовые платья, представляли собой восхитительное зрелище. Джентльмены уступали им в элегантности. На них были черные сюртуки и полосатые брюки. Строгий наряд оживляли только пестрые шейные платки и жилеты.

Катрин дождалась, когда они скроются в дверях, постояла еще несколько минут и, расправив плечи, решительно направилась к дому. Как только она взялась за дверной молоток, ею овладело спокойствие. Такое уже бывало с ней в Испании. Перед боем солдаты места себе не находили, но начиналось сражение, и они забывали о нервах. Почему же тогда сейчас у нее дрожат колени?

Дверь открыл все тот же величавый лакей в расшитой се-

ребрыным галуном ливрее, который уже дважды в течение этого дня не впускал ее в дом. Со второго этажа доносился шум веселого сборища. На сей раз Катрин не стала тратить время на слова. Вынув из муфты пистолет, она сунула его под нос лакею и с удовлетворением увидела, как высокомерное выражение исчезло с его лица. Лакей шарахнулся от нее, и она ступила в холл, со стуком хлопнув дверью. Пока все шло хорошо.

– Будьте так любезны, доложите миссис Спенсер, что к ней пришли, – приказала Катрин лакею. – Нет, рук поднимать не надо. Против вас я ничего не имею. Но если миссис Спенсер откажется спуститься, можете сказать ей, что я начну стрелять и подыму на ноги всю округу, не говоря уже о милиции. Предупреждаю, я приведу свою угрозу в исполнение, если она не захочет меня видеть. Откровенно говоря, не думаю, что ее гости захотят быть замешанными в скандал. Передайте ей мои слова.

– Джон, кто там? – донесся сверху женский голос. Голос Эми.

Катрин показала на дверь справа.

– Можете доложить миссис Спенсер, что я буду ждать ее там, – сказала она.

Не дожидаясь ответа лакея, Катрин юркнула в боковую комнату.

Комната освещалась двумя свечами, горевшими на мраморной каминной полке. Катрин встала спиной к камину,

чтобы свет падал на сестру, когда та войдет. Она не сомневалась, что на этот раз Эми согласится встретиться с ней. Одно дело не принять ее, когда одна в доме, и другое – когда полно знатных джентльменов, которых представители закона станут допрашивать как свидетелей. Даже самая знаменитая лондонская куртизанка не переживет такой скандал.

Ждать пришлось недолго. Дверь открылась, и, заполнив комнату ароматом дорогих духов, появилась Эми. Мало было сказать, что она красива – она была ослепительна. Пышные выющиеся черные волосы обрамляли тонкое лицо с огромными темными глазами, на шее сверкали бриллианты. Прозрачные одежды не скрывали молочно-белой груди и длинных стройных ног. Истинная Саломея.

Но едва Эми заговорила, очарование рассеялось. Голос у нее был резкий и неприятный.

– Как ты смеешь врываться в мой дом и угрожать мне?

Катрин заставила себя ответить спокойно:

– Смею, потому что хочу поговорить с собственной сестрой.

– Сестрой? – раздувая ноздри, проговорила Эми. – Помнится, в Лиссабоне ты сказала мне, что не желаешь меня больше видеть. Никогда. Так какого черта тебе здесь нужно, Китти?

Давно уже никто не называл ее Китти. У нее перехватило в горле, и она хрипло сказала:

– Тогда, в Лиссабоне, я была разгневана. Потрясена. Я ви-

нила тебя в смерти папы. Наговорила тебе чего не следует и о чем вскоре пожалела. Но было слишком поздно. А потом я никак не могла разыскать тебя. В том, что ты стала такой, я виню не тебя, а мужчин, которые за тобой увиваются. Прости за те слова, что я сказала тебе в Лиссабоне. Я так виновата перед тобой.

Эми злобно оскалилась:

– Убирайся из моего дома вместе со своими извинениями! Кто ты такая, чтобы жалеть меня? Оглянись-ка, Китти. Видишь, какой у меня особняк? Я приобрела его и обставила на собственные деньги.

– Эми...

– Твоя сестра умерла, – оборвала ее Эми. – Так ты сказала мне в Лиссабоне. И это правда. Той Эми, которую ты знала, больше не существует.

– Не могу поверить, что все зашло так далеко. Теперь, когда я нашла тебя, позволь мне загладить свою вину, – с отчаянием произнесла Катрин.

Эми прошла по комнате, остановилась перед ней и отрывисто спросила:

– Чего ты хочешь от меня?

Катрин понимала, что того, что ей хочется, Эми никогда не сделает. После жизни в такой роскоши она никогда не вернется в отцовский дом в Хэмпстеде. Но можно ведь заниматься чем-то еще, а не торговать своим телом.

Катрин молчала, подыскивая подходящие слова. Эми раз-

драженно вздохнула.

– Если думаешь, что можешь уговорить меня бросить все это, – она повела рукой в широком жесте, – прежде подумай хорошенько. У меня собственная ложа в опере, свой выезд. Я даю вечера и приемы, вращаюсь в светском обществе, шью туалеты у самой модной лондонской портнихи. Бриллианты, что ты видишь на мне, настоящие. Надо ли добавлять что-то еще?

Впервые за этот вечер Катрин заговорила резко:

– То общество, в котором ты вращаешься, составляют одни щеголи да распутники, но даже эти повесы не могут помыслить представить тебя своим сестрам, опасаясь, что ты окажешь на них пагубное влияние. А этот дом, хоть и роскошен, пользуется в Лондоне постыдной славой. Тебе почти тридцать три. Сколько, по-твоему, ты сможешь продолжать вести подобную жизнь?

– Повесы и распутники? – Эми рассмеялась. – Что ты понимаешь в этом? Возвращайся домой, Китти, там твое место. Ты была права, когда сказала, что у тебя нет сестры. У меня тоже нет. И мне кажется, никогда не было.

В ответ Катрин отложила муфту, в которой был спрятан пистолет, и открыла ридикюль. Сквозь ее пальцы на устланный роскошным ковром пол потекли золотые соверены. Катрин не сводила глаз с сестры.

– Ведь это ты послала мне эти деньги, правда? Почему, Эми? Зачем ты это сделала?

Мгновение Эми боролась с собой, потом, пожав плечами, ответила:

– Я была дома, когда ты приходила днем. Мне не хотелось разговаривать с тобой, но я не утерпела и посмотрела на тебя украдкой. Я видела, что ты бедно одета, и подумала, деньги тебе не помешают. Уверена, отец не оставил тебе богатого наследства.

– Вот видишь? – горячо воскликнула Катрин. – Ты не такая бесчувственная, какой хочешь казаться. Мы – сестры, Эми. Это кое-что значит.

– Ради бога, Китти, просто возьми деньги и уходи, пока кто-нибудь тебя не увидел.

– Не хочу я твоих денег! – воскликнула Катрин. – Я хочу, чтобы мы снова стали подругами.

– Подругами? – громко переспросила Эми. Опомнившись, она понизила голос: – Ты всегда отличалась умом, Китти, но тебе не доставало здравого смысла. Вижу, ничего не изменилось. Иди домой и забудь обо мне. И не приходи больше сюда, я этого не хочу.

– Тогда напиши мне. И отвечай на мои письма.

– Для чего? – Эми пожала плечами. – Все, что я могла сказать тебе, я уже сказала.

Не успела Катрин возразить ей, как из-за двери донеслись голоса, зовущие Эми. Мужские голоса.

– Мне надо идти, – сказала Эми, – и тебе тоже. Больше не показывайся здесь.

Она подошла к двери, остановилась в нерешительности, потом выскользнула из комнаты.

Катрин опустила голову. Она предчувствовала, что разговора не получится, но все равно ей было больно. И больней всего было то, что она действительно не узнала свою сестру в этой холодной расчетливой красавице, с которой только что встречалась. Хотелось наброситься на мужчин, благодаря которым сестра так изменилась.

Она не всегда была такой. Эми, пока не связалась с дурной компанией, была романтической, мечтательной девушкой. Даже тетя Беа со своими запретами и нравоучениями не смогла ее изменить. Да и самой Катрин не удалось повлиять на Эми, несмотря на те жестокие слова, которые она высказала сестре при встрече в Лиссабоне.

Катрин взяла муфту и ридикюль; деньги тускло поблескивали на ковре. Тот же лакей, что впустил ее, проводил Катрин к выходу или скорее выпроводил. Он был предупрежден не чинить ей препятствий, не то Катрин было бы не избежать хватки его цепких, как клешни, пальцев. Едва она переступила порог, как дверь за ней с треском захлопнулась.

Она возмущенно обернулась. Ну погодите же, она еще напишет серию статей о лондонских куртизанках! Стиснув губы, Катрин сошла по ступенькам как раз в тот момент, когда из подъехавшей наемной кареты выскочили трое мужчин в черных шелковых плащах. «Джентльмены», – подумала Катрин, презрительно скривив губы, и ей захотелось плюнуть в

их сторону. Было очевидно, что они приехали к Эми. Один из мужчин с негромким восклицанием уступил ей дорогу. Второй был не столь вежлив. Он поймал ее за талию и закружил по тротуару.

– Эй! Куда ты так торопишься? На вечеринку – сюда. Ты идешь не в ту сторону, дорогая. – От него разило вином, и Катрин брезгливо отстранилась.

– Маркус, отпусти ее, – сказал третий. – Она не из Эминых подружек. Сразу видно, что это приличная леди.

– Если это приличная леди, – возразил Маркус, – тогда что она делала в доме Эми?

Его приятели засмеялись и поднялись на крыльцо. Один из них застучал в дверь тростью.

– Покажи-ка свое лицо, милочка, – сказал Маркус. – Хочу посмотреть, что скрывается под этой шляпкой. Обещаю, что не укушу тебя.

Катрин стояла окаменев, но он, взяв ее за подбородок, заставил поднять голову.

Он был высок и строен и походил на атлета, который вынужденно играл роль светского щеголя. У него была внешность ирландца: темные волосы, живые голубые глаза и улыбчивый рот. Но сейчас он не улыбался.

Она узнала это лицо, лицо, которое надеялась больше никогда не увидеть. Перед ней стоял Маркус Литтон, граф Ротем.

Ее супруг.

Дверь распахнулась, и сноп света упал на лицо Катрин.

– Так ты идешь, Маркус?

Ответа не последовало, и двое джентльменов вошли в дом.

Его руки стиснули талию Катрин. – Каталина! – прорычал он. – Каталина! О боже, это ты?

Катрин вырвалась и отступила назад. Грудь ее судорожно вздымалась. Никогда в жизни она не испытывала такого страха.

Если был у нее смертельный враг, от которого исходила реальная угроза, то сейчас он стоял перед ней. Маркус стремительно шагнул к ней, но она отступила в сторону и достала из муфты пистолет.

– Не приближайтесь ко мне!

Голос ее дрожал, так же как и пистолет в руке, и она делала сверхъестественные усилия, чтобы овладеть собой. Никогда, даже в самых страшных кошмарах, Катрин не могла представить, что придет день, когда она испытает такой ужас.

Она предполагала, что Маркус Литтон в Париже. Три года прошло с тех пор, как они расстались, и ни разу за это время их пути не пересекались. Он не должен был ясно помнить ее. Слишком много женщин прошло через его руки за это время.

– Не приближайтесь! – повторила Катрин, когда ей показалось, что он снова хочет шагнуть вперед. Он медленно поднял руки, и она быстро заговорила: – Не знаю, за кого вы меня приняли, но вы ошибаетесь. Я не знаю никакой Каталины. Я ни когда раньше не видела вас. Я вас не знаю.

В его глазах промелькнула тень сомнения.

– Вы англичанка?

– Конечно, англичанка. – Катрин постепенно обретала уверенность в себе. – А вы что подумали?

– Моя жена была испанкой.

– Каталина – это ваша жена?

Он кивнул.

– Сожалею, но вы ошиблись.

– Видимо, так. – Маркус отступил на шаг, продолжая пристально вглядываться в ее лицо. – Прошу прощения. Надеюсь, я не слишком напугал вас. Приношу искренние извинения. Теперь, когда я лучше рассмотрел вас, вижу, что вы не Каталина, хотя очень на нее похожи.

Его слова успокоили ее. Самое страшное было позади. Катрин опустила пистолет, а потом и спрятала его в муфту, увидев, что несколько любопытных, в том числе и кучер наемной кареты, смотрят на нее. Она все еще дрожала и с трудом сдерживала желание повернуться и пуститься бежать без оглядки. Но это было самое худшее, что она могла сделать. Надо было постараться вести себя естественно.

– Принимаю ваши извинения, – кивнула она. – Ничего страшного не случилось.

Катрин улыбнулась и, кивнув на прощание, повернулась, чтобы уйти. Не успела она сделать и шага, как крепкие мужские руки схватили ее и зажали рот, чтобы она не могла закричать. И пистолет было не вытащить, потому что он прижал руку с муфтой. Катрин извивалась, лягалась, болтала но-

гами в воздухе, чтобы привлечь внимание прохожих. И они останавливались при виде этой сцены.

– Моя жена, – объяснял Маркус недоумевающим людям. – Хотела сбежать с лордом Беркли. Я бы отпустил ее, не будь у нас шестерых детей.

Катрин вцепилась зубами ему в большой палец, и он, вскрикнув от боли, невольно отнял руку от ее лица. Катрин тут же закричала столпившимся на тротуаре зевакам:

– Он лжет! Я не знаю этого человека.

Раздался возмущенный ропот, но Маркус успокоил собравшихся, сказав:

– Она вышла за меня по расчету. Ее привлекли мое богатство и графский титул. А теперь она сожалеет об этом. – Он наклонился к уху Катрин и прошептал: – Разве это не так, дорогая?

Катрин почувствовала, что симпатии людей, которые могли бы помочь ей, переходят на сторону Маркуса, и отчаянно закричала:

– Позовите стражу и увидите, кто говорит правду! Поверьте, я ему не жена.

Ее слова произвели желаемый эффект. Из толпы раздался чей-то голос:

– А ну, отпусти ее, пока мы не позвали стражу!

Маркус, не обращая внимания на угрозу, открыл дверцу кареты и стал заталкивать Катрин внутрь. Тут зрители разыгравшегося скандала ринулись вперед и сбили их с ног. Им

нужен был Маркус, и Катрин, не теряя времени, выползла на четвереньках из общей свалки, вскочила на ноги и пустилась бежать, как заяц.

Оглянувшись на бегу, она увидела, что толпа расходится. Маркуса не было видно, и ее вновь охватила паника. Катрин заскочила в таверну, остановилась у порога в нерешительности, и, когда подавальщик направился к ней, отмахнулась от него и бросилась к задней двери.

Закоулки, в которых она оказалась, отличались от Пэлл-Мэлл, как ночь отличается от дня. И тут кое-где попадались редкие фонари, но их слабый свет был не в силах одолеть бархатной тьмы. Катрин заторопилась к ярко освещенной улице, но, пройдя несколько шагов по темному проулку, пожалела, что не осталась в таверне. Высокие стены домов, казалось, вот-вот сомкнутся и раздавят ее; каждый самый слабый звук заставлял холодеть сердце.

Она пошла быстрее, оступаясь на рытвинах, полных жидкой грязи, налетая на кучи конского навоза, выброшенного на улицу из извозчицких дворов и ожидающего телеги утреннего мусорщика. Достав из кармана платок, Катрин зажала нос, не в силах дышать этой вонью.

Дойдя до пересечения с улицей, ведущей к Черинг-кросс, она остановилась и посмотрела по сторонам. Катрин сомневалась, что Маркус прекратил преследование. Настоящий псих! Напугал ее до смерти, а такое случалось с ней нечасто. Теперь, когда она пришла в себя, ей подумалось, что,

возможно, лучше всего было бы остаться здесь и дожидаться появления стражи.

Прижавшись спиной к каменной стене конюшни, Катрин решала, как поступить. Чтобы добежать до экипажа, который ждал ее у театра, надо было пересечь улицу. Если Маркус все еще на Пэлл-Мэлл, он непременно заметит ее. Нет, это слишком рискованно. Придется добираться кружным путем. Если она повернет направо и пройдет по Черинг-кросс, то окажется на Стренде. Там можно нанять извозчика до Хеймаркет.

Был и другой вариант. Уайтхолл, который находился неподалеку от Черинг-кросс, охраняли конногвардейцы. Там же располагалось управление милиции, которая патрулировала городские улицы. Если бы удалось добраться до Уайтхолла, можно было обратиться за помощью к милиции. Но тогда Маркуса Литтона непременно арестуют. Нет, это не годится. Ее станут расспрашивать, задавать лишние вопросы, на которые ей не хотелось бы отвечать.

Остается кружной путь.

Катрин понадобилась вся воля, чтобы заставить себя покинуть укрытие. Бросив быстрый взгляд в темный переулок, чтобы убедиться, что путь свободен, она решительно двинулась вперед и свернула направо. Она быстро шагала, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на взгляды мужчин, прогуливающихся в надежде подцепить подружку на вечер.

Дойдя до Уайтхолла, она оглянулась и даже споткнулась от неожиданности. Маркус! Он был еще довольно далеко позади, но двигался очень стремительно, быстро сокращая расстояние между ними.

Теперь нечего было и думать, чтобы идти по Черинг-кросс к Стренду. Подхватив юбки, Катрин устремила к Уайтхоллу. В голове стучала только одна мысль: бежать, бежать, спастись во что бы то ни стало. Задышавшись, она промчалась последние несколько ярдов до расположения конной гвардии и влетела во двор, где увидела нескольких караульных гвардейцев в синих мундирах. Навстречу ей вышел дежурный офицер.

– Пожалуйста, помогите! – запыхавшись, еле выговорила она, показывая трясущимся пальцем назад. – Меня преследует мужчина. Он сумасшедший.

Окинув ее внимательным взглядом и увидев, что перед ним порядочная женщина, капитан Хейли серьезно отнесся к ее словам. Он скомандовал двум гвардейцам следовать за ним и вышел к Уайтхоллу. Катрин укрылась под аркой, которая вела на плац, расположенный позади казармы гвардейцев.

Когда показался Маркус, сердце у нее ушло в пятки и она забилась в угол, где тень была гуще.

– Маркус! – удивленно воскликнул дежурный офицер. – Не знал, что ты вернулся в Лондон. Что происходит? Тут какая-то дама утверждает, что ты сумасшедший.

Катрин прокляла свое невезение. Как она могла забыть, что Маркус служил в кавалерии? Все эти люди знают друг друга. Здесь ей бесполезно надеяться на помощь.

Послышался обмен приветствиями, смех, потом она услышала голос Маркуса:

– Она потеряла свой ридикюль. Я только хотел вернуть его ей. Где она?

– Она... должно быть, где-то здесь.

Катрин не стала слушать дальше. Пора было уносить ноги. Она юркнула под арку. Перед ней простирался пустынный плац, а за ним Сент-Джеймский парк. Осторожность была теперь ни к чему. Позади послышались шаги, и она бросилась бежать. Подбежав к воротам в парк и увидев, что они не заперты, Катрин остановилась в нерешительности и всхлипнула. В этот поздний час парк должен был быть закрыт для публики, однако все знали, что с наступлением темноты он становился прибежищем для проституток и сутенеров. Ворота, даже запертые, не являлись для них препятствием, как и для прочего сброда, по ночам рыскающего по парку.

Она юркнула в ворота и сразу же свернула с тропинки. В слабых отсветах далеких фонарей Катрин почти ничего не различала. Пригнув голову и защищая лицо муфтой, она продралась сквозь густые заросли и, опустившись на колени, притаилась за кустами. Она так громко стучала каблучками, когда бежала по плацу, что Маркус наверняка без труда догадался, где ее искать. Самое большее, на что она могла на-

деяться, это что Маркус, ища ее, пройдет по тропинке дальше в парк. Тогда она проскользнет в ворота и побежит обратно к Уайтхоллу.

Земля была влажной от дождя, и ее юбки скоро промокли. Она достала из муфты пистолет и положила дулом на согнутый левый локоть. Хороший солдат, учил ее Макнолли, всегда держит порох сухим.

В этот момент она почувствовала, что не одна. Она ожидала, что Маркус зашагает, не скрываясь, по дорожке, но он неслышно прокрался в ворота и теперь играл в ту же игру, что и она, затаившись где-то поблизости. Катрин не видела его, но чувствовала его присутствие. Страх заставил ее напрыгаться; она до боли в глазах всматривалась во тьму.

Спустя, казалось, вечность, она заметила шевельнувшуюся тень, услышала его частое дыхание, крадущиеся шаги по тропинке. Только теперь она позволила себе дышать полной грудью. Катрин напрягла слух, пытаясь проследить, в каком направлении он движется, но различала лишь звуки, доносившиеся от озера, – негромкие голоса, приглушенный смех, стрекотание цикад и прочие ночные звуки.

Она не могла сказать, как долго просидела, съездившись, за кустами, чутко прислушиваясь и до боли в глазах вглядываясь в темноту. Наконец, уверившись, что поблизости никого нет, Катрин осторожно выбралась на тропинку. Снова застыла, вслушиваясь. Стараясь не производить шума, она прокралась к воротам, оглядываясь на каждом шагу. Лишь

когда ворота остались позади, ее напряжение стало ослабевать.

Катрин глубоко вздохнула – и тут из тьмы на нее бросилась тень. Инстинктивным движением она вскинула пистолет и нажала курок. Оглушительно грянул выстрел. Она увидела, как он резко остановился, но почувствовала, что промахнулась. Он снова двинулся к ней, и она бросилась бежать. Железные пальцы схватили ее руку и вывернули за спину.

– Ах ты, дрянь! – зло сказал он.

Катрин хотела было закричать, но он опередил ее, несильно ударив кулаком в подбородок.

Перед глазами поплыл красный туман, и она без чувств повисла у него в руках.

Катрин очнулась и со стоном прикоснулась к ноющему подбородку. Вспомнив случившееся, она рывком выпрямилась. Маркус наклонился к ней, опустил руки ей на плечи, прижимая к спинке кресла.

– Вот, выпейте, – сказал он. – Станет лучше.

У нее не было сил сопротивляться. Голова кружилась, слегка подташнивало. Она маленькими глотками отпила немного бренди, поперхнулась и закашлялась, и он убрал стакан.

В голове быстро прояснялось, но она по-прежнему сидела, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Катрин пыталась понять, что изменилось. Потом ее осенило. Опасность – она больше не исходит от него.

Катрин открыла глаза и оглядела небольшую комнату, в которой находились только она и Маркус.

– Где мы?

– В одном из кабинетов наверху.

– Мы в Конной гвардии?

– Да.

– А где гвардейцы?

– Полагаю, занимаются своими прямыми обязанностями.

Я рассказал им, что произошла ужасная ошибка, что я напугал вас до полусмерти и вы только защищались, когда выстрелили в меня.

– Так оно и было.

Она настороженно смотрела, как он придвигает к ней кресло с прямой спинкой и садится рядом. На его лице была улыбка, которая словно говорила, что ей нечего опасаться. Маркус хотел было взять ее за руку, но она вжалась в кресло, и его рука бессильно упала.

– Никогда не видел таких красивых волос, – неожиданно сказал он.

Катрин коснулась головы и обнаружила, что волосы рассыпались по плечам. Потом она увидела шляпку на широком столе рядом с муфтой и пистолетом.

– Послушайте, – отрывисто сказал он, – я очень раскаиваюсь. Видите ли, в какой-то момент я действительно принял вас за свою жену. Теперь, однако, я рассмотрел вас получше, а когда увидел ваши волосы, то окончательно понял, что

ошибался. Вы к тому же устроили настоящее сражение, открыли пальбу. Как было не подумать, что у вас имеется веская причина бояться меня? – Маркус помолчал, потом добавил небрежно, слишком небрежно, чтобы она чувствовала себя спокойной: – Я, между прочим, граф Ротем, а вы?..

Катрин мгновенно ответила:

– А я – женщина, которую вы напугали до полусмерти.

– Сдаюсь!

Он засмеялся, но Катрин оставалась серьезной. Она напряженно соображала, как ей держаться в этой ситуации. Одно неверное слово, и она погибла. Она колебалась: открыть ему свое имя или нет, и в конце концов решила не говорить. Что она могла сказать? Что ее зовут Катрин? Что она была в Испании в то время, когда и он был там и женился на Каталине? Конечно, она была рыжеволоса, но существует множество способов изменить цвет волос. Нет, она не хотела, чтобы он что-нибудь знал о ней.

Она может сказать это только в крайнем случае, если некуда будет деваться. Она порядочная девушка, а этот человек напал на нее. Такой версии и следует придерживаться.

Катрин медленно встала. Он тоже поднялся.

– Можете убираться к черту со своими извинениями! – резко сказала она. – Я собираюсь позвать гвардейцев и подать жалобу на вас. Вы напали на меня.

– Я могу выдвинуть встречное обвинение, что вы пытались убить меня. Ведь это у вас был пистолет. Пожалуйста,

сядьте, и давайте все обсудим.

В его голосе не было угрозы, напротив, в нем звучало легкое смущение.

— В самом деле, — продолжал он мягко, — вам нужно успокоиться. Кроме того, разве вам не любопытно узнать, что я собой представляю? Мне вот интересно узнать вас получше. Да сядьте же.

Помня свою роль оскорбленной невинности, Катрин язвительно сказала:

— То, что я знаю о вас, — предостаточно.

— Что же вы знаете?

Она знала о нем все. Ей надо было это знать. Она проследила его жизнь с того момента, когда Маркус Литтон еще не был солдатом. Ничего интересного: обычная жизнь баловня судьбы, красивого, удачливого, ставшего обладателем графского титула еще в нежном возрасте. Его носили на руках, исполняли все прихоти. Армия слуг с детства суежилась вокруг него. Результат получился таким, как и следовало ожидать. Маркус уверовал в то, что он пуп земли. Дрался на дуэли по малейшему поводу, щеголял победами над женщинами. Говорили, что ни одна не могла устоять перед ним, если он решал соблазнить ее. Его мысли не простирались дальше удовлетворения сиюминутных желаний. Даже в армию он пошел потому, что заключил пари. В Испании ей на какой-то короткий момент показалось, что она встретила человека необыкновенного, но это была лишь иллюзия. То, что

она узнала о нем, давало веские основания считать его беспринципным и бессердечным.

Она не собиралась продолжать разговор, но тем не менее сама не заметила, как снова села. Он был слишком сильным, чтобы она могла чувствовать себя спокойно, и без пистолета Катрин была беззащитна перед ним.

– Вы Маркус Литтон, граф Ротем, – сказала она. – Я знаю о вас по слухам.

– По слухам? – Он поднял бровь и тоже сел. – Не знал, что мои военные подвиги так широко известны.

Его лукавая улыбка разозлила ее, и она, не удержавшись, добавила:

– Я имею в виду слухи о ваших любовных похождениях.

– Вы мне льстите.

– Это вы так считаете.

Такой ответ его удивил. Помолчав, Маркус мягко сказал:

– Ваша взяла, мисс... ах да, вы не желаете открывать свое имя. Ведь не думаете же вы, что я собираюсь покуситься на вашу добродетель?

– Такое не приходило мне в голову.

– Неужели?

Она сразу почувствовала ловушку в его вопросе.

– Ведь вы женаты, милорд, или нет?

Улыбка мгновенно исчезла с его лица.

– Что вы знаете о моей жене? – спросил он.

Катрин на секунду замялась, потом пожала плечами и

смело ответила:

– До сегодняшнего вечера я знала только то, что известно всем, то есть что вы женились на испанке, когда были с армией Веллингтона в Испании.

– А что вы узнали теперь?

На сей раз она не задумывалась, что сказать:

– Теперь я знаю, что вы настолько ненавидите ее, что готовы убить.

Он прожег ее взглядом, затем на его лице снова появилась беззаботная улыбка.

– Все обстоит ровно наоборот. Это моя жена жаждет убить меня. Может быть, это ей еще удастся. О, не смотрите на меня так удивленно. Подобное, уверен, случается в самых благополучных семьях. Развод получить слишком трудно, а для девушки-католички обет невозможно нарушить. – Голос его стал жестким. – Так что вы понимаете, нам с Каталиной не избавиться друг от друга, только смерть освободит нас. Положение невыносимое.

В голове Катрин кружился рой мыслей. Хотелось задать ему миллион вопросов, но она не смела ни о чем спросить его. Он по-прежнему был полон подозрений, она чувствовала это кожей.

Катрин постаралась придать лицу веселое выражение.

– Милорд, я уверена, вы преувеличиваете. Не так уж, наверное, все плохо.

– Преувеличиваю? Интересно. – Его настроение резко пе-

ременилось. — Довольно обо мне. Иначе мы оказываемся в неравном положении. Я ни чего не знаю о вас и, пока не узнаю больше, не отпущу.

Маркус говорил с шутливой интонацией, словно они играли в какую-то игру, но ее это не ввело в заблуждение. Она видела, каким он бывает во гневе, и понимала, что опасность еще не миновала. Она намеревалась, если только это будет возможно, уйти отсюда, не открыв, кто она такая и где ее найти.

— Милорд, — сказала она, облизнув пересохшие губы, — прошу вас как благородного джентльмена, отпустите меня. Видите ли, меня ждут. Если этот человек услышит о моем... злоключении, я окажусь в неловком положении.

Повисло напряженное молчание, как будто ее слова вызвали в нем недовольство.

— Понимаю, — сказал Маркус. — И этот джентльмен, полагаю, — некто, кого вы встретили нынче вечером у миссис Спенсер. У вас тайное свидание?

Ее охватила тревога.

— Миссис Спенсер? Среди моих знакомых нет такой.

— Разве? Могу поклясться, я видел, как вы выходили из ее дома. Что произошло? Вы поссорились? Она выставила вас в этих отрепьях? Я знаю, как ревнивы могут быть женщины. Вы же очень красивы. Вы отбили у нее одного из любовников? Так, да? Кто вас ждет? Уочестер? Беркли? Сколько бы они вам ни сулили, я могу предложить больше.

Если мгновение назад Катрин дрожала от страха, то сейчас ее захлестнул гнев. Каждым своим вопросом он оскорблял ее, и делал это намеренно. Когда она вскочила с кресла, то никакой дрожи уже не было. Она Катрин Кортни, и ни один мужчина не смел говорить с ней в подобном тоне.

— Мои дела с миссис Спенсер никоим образом вас не касаются, — сказала она.

— Так, значит, вы все-таки были там!

— А если и была, что с того?

Она мгновенно поняла, что совершила-таки ошибку, чего так опасалась и чего так старательно избегала. Маркус тоже встал, и глаза его засверкали. Стремительное движение, и сильные мускулистые руки обвили ее. Маркус так сильно прижал ее к себе, что она почувствовала, как пуговицы его пальто вдавливаются в ее тело. Она не могла пошевелиться; руки ее были прижаты к бокам. Он запрокинул ей голову и впился губами в ее губы.

Катрин застонала, не от наслаждения, но от боли. Подбородок у нее все еще ломило от его удара. Она напряглась и ждала, когда кончится поцелуй и пройдет боль.

Маркус воспользовался тем, что она не могла сопротивляться, и еще крепче прижал ее к себе. Катрин открыла рот, чтобы набрать воздуха, и его язык тут же проник сквозь раскрытые губы. Это было совершенно не похоже на тот оскорбительный, грубый поцелуй тогда в Испании после их свадьбы. Он словно бы лакомился ею, смаковал, и с такой неж-

ностью, какой она от него никак не ждала. Острое чувство наслаждения пронзило ее, застав врасплох, и на мгновение она обмякла в его руках. Но тут же вспомнила, кто ее целует. Ярость и стыд охватили ее, и она сильно лягнула его в ногу. Он сразу же отпустил ее.

Она замахнулась, чтобы ударить его, но Маркус упредил ее, со смехом схватив за руки.

– Да, вы не подружка Эми, – сказал он. – Это я и хотел проверить.

Катрин снова попыталась ударить его, но он с легкостью увернулся.

– Послушайте, извините меня, ладно? Если вы сразу ответили бы на мои вопросы, я не стал бы подвергать вас испытанию.

Она с яростью смотрела на его обаятельную улыбку, лукаво блестящие глаза, на его веселое лицо. Все ее ухищрения напрасны, ей не удастся обмануть этого беззастенчивого искусителя. Тем или иным способом, но он узнает то, что ему нужно.

Катрин пошарила в одном кармане, потом в другом и вытащила два несвежих носовых платка, обрывок ленты, какую-то мелочь и, наконец, то, что искала.

– Вот моя визитная карточка, – сказала она. – Теперь вы знаете все, и нам не о чем больше разговаривать.

– Мисс К. Кортни, – прочитал Маркус, – Хит-хауз, Хэмпстед. Вы ведь могли избежать того, что случилось, сообщив

вы мне это, когда я вас спрашивал. Почему же вы не сделали этого?

Гордо выпрямившись, Катрин прошла к столу, нахлобучила шляпку, взяла муфту и пистолет и направилась к дверям.

– Вы забыли кое-что, – сказал он, протягивая ей риди-кюль. – Странно, что в нем ничего нет. Большинство дам, насколько я знаю, держат всякие мелкие вещицы там, а не в карманах.

Не останавливаясь, Катрин схватила протянутый риди-кюль. Он шагнул вперед и услужливо распахнул дверь.

– Правду говорят о рыжеволосых, – сказал Маркус, посмеиваясь. – Вы действительно девушка с характером.

Его слова были приняты с подобающим презрением. С высоко поднятой головой она шла по коридору. Пусть зовет гвардейцев, чтобы ее арестовали за попытку убийства. Она сама может выдвинуть против него обвинение. А если он начнет копать в ее прошлом, никогда не найдет ничего, что связывает ее с Каталиной.

Он хмыкнул у нее за спиной, но она гордо шагала дальше, не обращая на него внимания.

– Мне кажется, – с насмешкой проговорил Маркус, – вы идете не туда.

Катрин замедлила шаги.

– Выход – в обратную сторону.

Она медленно втянула воздух, сдерживаясь, развернулась

и прошествовала мимо, едва не задев его плечом. Пока они не оказались у Уайтхолла, он больше не проронил ни слова.

– Как вы предполагаете добираться до Хэмпстеда?

Катрин, не обращая на него внимания, словно его не было рядом, подняла руку, подзывая кеб. Маркус распахнул и придержал для нее дверцу.

– Королевский театр, – сказала она кучеру.

– Только не говорите, что вы актриса, – улыбнулся Маркус, бесцеремонно усаживаясь рядом.

Она отвернулась к окошку и стала смотреть на улицу, решив не дать ему втянуть себя в разговор. Он, однако, продолжал болтать, не ожидая от нее ответа, и замолчал только тогда, когда кеб остановился напротив театра.

Маркус позволил ей расплатиться самой, и это разочаровало ее. Жаль, не то у нее был бы шанс швырнуть ему деньги в лицо, но его взгляд сказал ей, что он понял это.

Макнолли увидел, как они подъехали. Катрин позволила Маркусу посадить ее в коляску, но по-прежнему хранила ледяное выражение.

– Домой, Макнолли, – сказала она.

– Минуточку, – остановил его Маркус. – С мисс Кортни приключилась маленькая неприятность. Нет-нет, ничего серьезного. Проследите только, чтобы она положила холодный компресс на подбородок. А если сможете уговорить, влейте в нее чуточку бренди.

– Слушаюсь, сэр, – с готовностью кивнул Макнолли.

Он угадывал офицера, даже когда тот был не в мундире, а этого человека он к тому же когда-то уже встречал. Макнолли обернулся к Катрин, но встретил ледяной взгляд.

– Я зайду через день-два, проведать вас, – сказал Маркус. Ни единый мускул не дрогнул на ее лице.

– Трогай, Макнолли!

Макнолли вопросительно взглянул на Маркуса, словно ему требовалось его разрешение.

Маркус отступил на шаг, бросил долгий внимательный взгляд на каменный профиль Катрин и усмехнулся.

– Трогай, Макнолли!

Только теперь Макнолли щелкнул языком и дернул вожжами.

Маркус смотрел вслед коляске, которая развернулась, проехала Хеймаркет и свернула за угол, на Пиккадилли. Улыбка его исчезла, взгляд стал сосредоточенным. Он был почти уверен, что эта девушка не Каталина, однако слабое сомнение все же оставалось. Несмотря на все различия, сходство было разительным, к тому же у него были веские основания подозревать, что его бывшая супруга находится в Англии. Когда он увидел мисс Кортни, он сразу подумал о Каталине. Но, заговорив, девушка поразила его своей культурной английской речью без малейшего акцента. Маркус лишь хотел удостовериться, что перед ним не Каталина, но ее выстрел привел его в бешенство.

Он покачал головой, вспомнив, как был озадачен, когда

снял с нее шляпку и увидел огненные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Потом Маркус обратил внимание и на другое, что не заметил вначале. Хрупкую фигурку. Веснушки на носу. Тонкие черты лица. И наконец, когда она пришла в себя, он не обнаружил в ней ничего от женской привлекательности Каталины. А это было то, что ему больше всего запомнилось в Каталине. Ее неразбуженная чувственность, которая сразу же пленила его, и он, как последний глупец, опростоволосился, поверив, что нашел любовь, которая всегда ускользала от него.

Нет, мисс Кортни не Каталина, хотя по-своему хороша и произвела на него впечатление. Внешне холодна и неприступна, однако в любой момент готова проявить характер. Невольно задумаешься, а не скрывается ли за этой невозможностью страстная натура.

Он не жалел, что поцеловал ее. Правда, она лягнула его, пребольно ударила по ноге, но это даже позабавило Маркуса. Он рассмеялся. Общение с мисс Кортни развлекло его, а такое случалось с ним нечасто. Кроме того, эта рыжеволосая особа возбудила его любопытство.

Оставались еще вопросы, ответов на которые он так и не получил и которые не выходили у него из головы. Мисс Кортни так и не сказала, что делала в доме Эми. Озадачивало и другое: ее паника, когда он впервые столкнулся с ней, и то, что она одна разъезжает ночью по Лондону, а главное — для чего ходит с пистолетом? Именно это заставило его по-

думать, что она Каталина.

Мисс Кортни была загадкой, и он намеревался эту загадку разрешить.

Первым делом, решил Маркус, надо заехать к Эми и постараться выведать у нее все, что она знает. Они давно знакомы, и он вправе рассчитывать на ее откровенность. Когда-то она была его любовницей, но теперь они друзья, добрые друзья. Если она что-нибудь знает, то расскажет ему.

Маркус очень хорошо помнил, о чем мечтал тогда в Испании. Скрываясь в горном убежище Эль Гранде и оправляясь от ран, он мыслями был в Англии. Ему грезились балы, прелестные английские девушки в прозрачных газовых платьях, с благоухающими волосами и нежной кожей.

И вот его мечта осуществилась. Он стоял, прислонясь к колонне, в бальном зале особняка леди Тарингтон и изнывал от скуки. Ничего не изменилось за те пять лет, что он сражался с французами вдалеке от Британии. Все та же нудная болтовня вокруг, те же хорошенькие девушки, ловящие каждое его слово, то же старание перещеголять друг друга пышными и безвкусными нарядами. Если бы хозяйка дома не приходилась ему крестной матерью, он давно бы покинул это сборище.

«Добро пожаловать домой, Маркус», – удрученно подумал он и допил остававшееся в бокале шампанское.

Ему припомнилось, что на таком же вот балу он однажды принял решение изменить свою жизнь. Ему еще не было двадцати девяти, а он уже чувствовал себя древним стариком. Он все видел, все испытал, а это было весьма печально для человека, едва вступающего в пору расцвета. Все ему давалось слишком легко, он не знал никаких забот. Его финансами ведал лучший знаток этого дела, какого только мож-

но было нанять за деньги. А такого управляющего для Роте-ма, их родового имения, как Пеннингтон, его единокровный брат, еще надо было поискать. Ему не было необходимости жениться, чтобы иметь наследника, и если бы он это предпочел, то мог оставаться холостым. Случись что с Маркусом, оставалась еще два брата, чтобы знатный род не угас. Карты, вино, женщины – вот на что уходила жизнь. У него было все, что могло сделать счастливым молодого человека, и все же он не чувствовал себя счастливым, не знал покоя и не находил этому объяснения.

Маркус теперь и не помнил, кто первым предложил заключить пари. С бала у леди Кастлри они улизнули вчетвером. В конце концов они оказались в каком-то шикарном борделе. Их только что обслужили по высшему разряду лучшие шлюхи, каких только можно было найти. Лучшие, каких только можно получить за деньги. Эта мысль не давала ему покоя – не желал он того, что можно купить. Маркус сказал это вслух. Завязался спор, и кто-то упомянул о трудностях и опасностях воинской жизни.

Не успела ночь кончиться, как его друзья поспорили, что Маркус не выдержит и полгода в армии, в ином случае они съедят свои шляпы.

Пари, конечно, было шуточным. Никто не ожидал, что он воспримет его всерьез. Но, по правде говоря, пари не имело никакого отношения к его поступку. Армия была именно тем, чего Маркус еще не испытал, нечто новое, и он под влия-

янием порыва принял решение.

В первый год службы в армии он много раз жалел о своем поступке, но потом перестал думать об этом. Он был солдатом и делал свое дело. Сражаться за освобождение Испании от французов было для него делом чести. Два месяца назад война закончилась битвой при Ватерлоо, и родина перестала нуждаться в его услугах.

Круг замкнулся, только теперь Маркус стал на пять лет старше и немного умней. Он не хотел возвращаться к прежней бездумной жизни. Уцелев на войне, где погибли тысячи его товарищей, он изменился. Теперь Маркус знал цену жизни и не собирался тратить ее на пустяки. Он ни в коем случае не превратился в монаха, однако иначе смотрел на многие вещи, да и вкусы его сильно изменились.

Неожиданно его мысли снова вернулись к рыжеволосой фурии. Эми ничем ему не помогла. Более того, она долго смеялась, когда он описал ей девушку. Приличные женщины никогда не бывают на ее вечерах, сказала она ему. Он не называл ей имени девушки и не стал углубляться в подробности их встречи, чтобы не компрометировать свою новую знакомую.

Переждав день, чтобы дать мисс Кортни остыть, он отправился в Хэмпстед.

Она попыталась не пустить его в дом, но он был настойчив, и в конце концов Катрин сдалась и позволила ему войти. Маркус провел у нее добрый час, и то, что он увидел, о

многом рассказало ему. Взять хотя бы дом – потрепанный непогодой, ветшающий, как стареющая красотка. Здесь явно нуждались в деньгах.

Из реплик, которыми она обменивалась со служанкой, принесшей чай и бисквиты, он узнал, что мисс Кортни зовут Катрин, что ее отец, замечательный врач, воевал в Испании, и Катрин была с ним недолгое время, когда армия вошла в Португалию, и что по возвращении домой его постигла внезапная трагическая смерть.

Как ни велик был соблазн увидеть в этих фактах подтверждение своих подозрений, Маркус не поддался ему. Слишком много было в ней от истинной англичанки. Леди Кастри сказала бы, что у Катрин Кортни внешность и повадки старой девы, но он так не думал. Язычок у нее язвительный, глаза всегда готовы вспыхнуть. Это девушка с необузданным характером и способна на столь же необузданную страсть, думал он и задавался вопросом, смог бы он внушить ей эту страсть.

Однако не было особого смысла задумываться над этим. Их знакомству не суждено продлиться долго. Во-первых, они вращались в разных кругах, а во-вторых, ее выразительный взгляд дал ясно ему понять, что граф Ротем не принадлежит к числу людей, пользующихся ее расположением. Это вызвало в нем разочарование, потому что мисс Кортни, весьма вероятно, была самой интересной женщиной из всех, какие ему встречались.

Он очнулся от своих мыслей, когда громко объявили очередной танец. Маркус поставил пустой бокал на поднос приблизившемуся лакею и мотнул головой, показывая, что не хочет больше шампанского. Уголком глаза он заметил крестную, направлявшуюся к нему в сопровождении некоего создания в розовом – нескладной девицы лет восемнадцати-девятнадцати на вид. В молодости Маркус просто сбегал от обязанности изображать кавалера для какой-нибудь застенчивой дурнушки, которую подводили к нему перед танцем. Тогда он предпочитал отчаянных кокеток или опытных замужних дам, которые не прочь были завести интрижку втайне от своих самодовольных супругов. «Но я уже не в том возрасте», – решил Маркус, и с любезной улыбкой повернулся к подходящим дамам.

Некоторое время спустя он сошел вниз, в мужское царство – бильярдную комнату. Маркус не увлекался игрой, но здесь по крайней мере можно было спастись от пустой болтовни бального зала. Среди мужчин он мог вздохнуть свободно, отвести душу, особенно общаясь с теми, кто, как он, побывал в сражениях, а таких тут было немало.

Он бросил презрительный взгляд на капитана Гроноу, который развлекал слушателей описанием ужасов битвы при Ватерлоо. Несколько джентльменов стояли на террасе, куря сигары. В отличие от капитана, который застал лишь самый конец войны, эти люди были настоящие ветераны, поскольку прошли с Веллингтоном весь путь, с самого начала.

Один из них заметил Маркуса и помахал ему, приглашая присоединиться к их компании. Фредди Барнс, годом или двумя старше Маркуса, никогда не унывал, не ныл и не жаловался, и Маркус любил его за это. У них было много общего. Оба вступили в армию Веллингтона в самом начале похода и служили в конной разведке – проникали в глубь вражеской территории и узнавали о передвижениях французских войск. В отличие от рыцарей плаща и кинжала, которые действовали во вражеском тылу незаметно, маскируясь под местное население, их отборный отряд действовал открыто. Но поймать лихих драгун было не легче, чем ветер. Чаще всего они возвращались на свои позиции, оставив далеко позади преследующих их французских улан.

В одном из таких рейдов Маркус наткнулся на французский патруль, и Эль Гранде спас его. Нечто подобное произошло с Фредди. Когда Маркуса принесли в монастырь, Фредди уже находился там, и потом вместе с другими офицерами навещал его, пока он оправлялся от ран. Присутствовал он и на злополучной свадьбе Маркуса и Каталины.

Фредди кивнул в сторону Гроноу.

– Послушать его, так подумаешь, что он всюду был одновременно. Все, что я помню о Ватерлоо, это задницы скачущих впереди лошадей да проклятые рвы, через которые приходилось перемахивать.

Его слова вызвали поток забавных историй, одна другой невероятней. Так ветераны прогоняли тяжелые воспомина-

ния о пережитом.

Воспользовавшись паузой в разговоре, Фредди спросил:

– А что твоя жена, Маркус? Она здесь, в Англии, или все еще там, в Испании?

Весь вечер Маркусу приходилось изворачиваться, отвечая на этот вопрос. Было такое впечатление, что каждый жаждал познакомиться с леди Ротем. О его женитьбе в обществе рассказывали романтические истории, однако ничего необычного в том не находили, ибо много офицеров, воевавших в Испании, нашли там себе невест. Маркус, в свою очередь, как мог избегал разговоров о своей женитьбе, чтобы не объяснять, почему никто не видел его жены. Даже его родственники не знали, где она и почему скрывается? Маркус понимал, что произойдет, решись он открыть правду. Тогда не будет отбоя от авантюристок, каждая из которых станет утверждать, что она и есть Каталина, или от людей, предлагающих рассказать – за вознаграждение, разумеется, – где ее можно найти. Он предпочитал искать ее сам.

– О, она еще в Испании, – ответил он, – но в скором времени присоединится ко мне. – И чтобы избежать дальнейших вопросов, взял сигару, которую предложил Питер Фаррел, и, отвернувшись, стал прикуривать.

Как он и рассчитывал, это помогло, и разговор с Каталины перешел на другую тему. Но сам Маркус не мог сразу перестать думать о ней.

Год назад, когда Наполеон был сослан на остров Эльба и

война временно прекратилась, Маркус отправился в Испанию, чтобы попытаться разыскать ее. К этому времени он был почти уверен, что с ней что-то случилось, что она и ее брат погибли, иначе почему о них ничего не было слышно? Он вернулся в монастырь, где впервые встретил Каталину, не слишком надеясь обнаружить ее следы. К великому удивлению, он нашел там монахов, которые восстанавливали монастырь.

От одного из них, Хуана, он узнал, что Эль Гранде действительно был испанским аристократом, маркизом де Вера Эль Гранде. Его огромная вилла в предместьях Мадрида лежала в руинах. Он и Каталина были единственными из всего семейства Эль Гранде, кто остался в живых. Французы сочли, что убили всех, и эта ошибка им дорого стоила. Узнав, какая жестокая судьба постигла его семью, Эль Гранде, преисполненный жадой мщения, скрылся в горах, взяв сестру с собой. Вскоре он объявился как легендарный предводитель партизанского отряда. Хуан сообщил Маркусу кое-что еще. Каталина уехала в Англию, и сопровождал ее Эль Гранде.

Маркус не знал, что предпринять. По его подсчетам, брат с сестрой прибыли в Англию почти два года назад. Он предполагал, что Каталина захочет жить с его семьей в Уорвикшире или по крайней мере потребует с них как можно больше денег. Маркус с нетерпением ждал встречи с ней, чтобы рассчитаться за то, что она сделала с ним в Испании. С того момента, как они расстались, он часто с наслаждением пред-

ставлял, как отомстит расчетливой авантюристке.

Каталина оказалась умней, чем он думал. Очевидно, у нее не было желания оказаться во власти мужа, который ненавидит ее.

Из записей в портовом журнале он узнал, что маркиз де Вера Эль Гранде с сестрой действительно прибыли в Англию. Далее их след терялся, словно они просто растворились в воздухе. Странно было то, что Каталина продолжала носить девичью фамилию. Что она задумала? Когда собирается раскрыть свои карты?

Спустя несколько недель после его возвращения в Англию с ним случилось неприятное происшествие, всколыхнувшее в его душе худшие подозрения. Кто-то совершил на него покушение, выстрел лишь чудом не достиг цели, и ему пришлось в голову, что если он неожиданно умрет, Каталина станет очень богатой вдовой.

Маркус с еще большим рвением принялся за розыски. Должен был все-таки существовать способ заставить ее обнаружить себя.

Он вышел из задумчивости и, прислушавшись к общему разговору, услышал, как кто-то произнес знакомое имя.

– Лейтенант Уильям Хэррис? – переспросил он Фредди. – Не тот ли это юный знаменосец, что был с нами у Эль Гранде?

– Тот самый, – ответил Фредди. – Ужасный случай.

– О чем ты? – удивился Маркус.

– Уцелеть на войне ради того, чтобы утонуть в каком-то банальном пруду! – Он вопросительно взглянул на Маркуса. – Ты разве не читал об этом в «Джорнэл»? Это произошло несколько дней назад в Сент-Джеймском парке. Хэррис с друзьями катался на лодке. Все пьяные, конечно. И перевернулись.

Маркус вспомнил монастырь в Испании и юношу, который молча сидел, взгромоздясь на комод Каталины, пока они с Фредди болтали о том о сем. Они пытались вовлечь его в разговор, но паренек был слишком стеснителен.

– Нас осталось всего двое, – задумчиво проговорил Маркус.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Фаррел.

Маркус пожалел о том, что не сдержал этих слов.

– Из пяти английских офицеров, которых спас Эль Гранде, – небрежно ответил он, – остались в живых только мы двое, Фредди. Ты да я.

– А что с остальными? – поинтересовался Фаррел.

– Сначала, – ответил Фредди, – когда мы покинули убежище Эль Гранде и попытались перейти португальскую границу, то наткнулись на французский кавалерийский разъезд. В стычке погиб один из солдат-стрелков, не помню, как его звали. Что было с другим, я не видел.

– Я и забыл о стрелке, – вставил Маркус.

– Вскоре после этого майор Шеппард погиб, чистя свой пистолет. Трагический случай.

– А за ним, – сказал Маркус, – лошадь вышибла мозги капитану Бриксли. А ведь он был опытным наездником. Идиотская история!

– Значит, Бриксли тоже был с вами у Эль Гранде? – спросил кто-то.

– Да, – кивнул Фредди.

Фаррел выпустил облако сигарного дыма и взглянул на Маркуса.

– Говорят, Маркус, какой-то бандит стрелял в тебя в Гайд-парке. Это правда?

Маркус обернулся к Фаррелу. Это был богатырь шести футов ростом, который производил впечатление медлительного увальня. Но Маркус знал, что это впечатление обманчиво. Из всех офицеров, служивших у Веллингтона, майор Фаррел чаще других удостоивался поощрения командования за свои подвиги.

– Действительно, – ответил Маркус, – какой-то идиот сбил с меня выстрелом шляпу, когда я шел по мосту через Серпентайн. Естественно, пришлось прыгать за ней в воду. Чертовски дорогая была шляпа.

Когда смех умолк, Фаррел спросил:

– А что этот Эль Гранде? Кто он такой, в конце концов?

– Он маркиз де Вера Эль Гранде, – сказал Маркус. – И мой шурин.

Фредди Барнс покинул особняк леди Таринг-тон, обуреваемый тревожными мыслями. И дело было вовсе не в том,

что пришлось отклониться от истины, рассказывая о том, как погибли их товарищи. О нападении на Маркуса он узнал только сейчас, и теперь перебирал в уме все факты, пытаясь их сопоставить. Может, между несчастьем, случившимся с Шеппардом, Бриксли и Хэррисом, и нападением на Маркуса вовсе не было никакой связи. Но во всех этих случаях было нечто странное и пугающее.

На лицо ему упали первые тяжелые капли дождя; он поднял воротник и подозвал кеб. Фредди жил в пригороде, в Сент-Джеймсе, но сейчас направился в другую сторону. Кеб повернул за угол на Пиккадилли и покатил по Бонд-стрит. Фредди знал, что его не ждут. Он не должен был появляться там, куда сейчас ехал, не условившись предварительно о встрече, но обстоятельства были чрезвычайные.

Едва войдя в холл, он уловил запах духов. Значит, здесь была женщина. До его слуха донеслись ее страстные стоны и вскрики и вторящий ей гортанный мужской голос. Гнев охватил Фредди, и одновременно к горлу подкатила тошнота. Так вот почему его любовник не хотел, чтобы он являлся без приглашения. Вероломный, неразборчивый стервец! Все, что ему нужно, это только деньги, которыми Фредди снабжает его, чтобы он ни в чем не нуждался, одевался по последней моде. И еще одно его любовник требовал от Фредди – полной тайны их отношений.

Фредди повернулся, собираясь уйти, но тут дверь спальни распахнулась. На пороге, в темно-бордовом парчовом хала-

те, стоял он, его любовник. Его фигура четко вырисовывалась в свете лампы, горевшей у него за спиной. Увидев Фредди, он поспешно закрыл за собой дверь.

– Фредди, – слащавым тоном сказал он, – я так и думал, что это ты. Ты не должен приходить так неожиданно.

– Да, не должен, – сказал Фредди, не сумев скрыть горечь. На лице любовника не было и следа раскаяния. Хоть бы из приличия мог принять смущенный вид. – Раз уж мы увиделись, могу заодно вернуть тебе это. – И Фредди протянул ему ключ.

– Но почему, Фредди? – спросил молодой человек, подойдя к нему. – Из-за женщины? Ах, Фредди, ты же знаешь, она ничто для меня. – Он положил руку на плечо Фредди и нежно сжал. – Мне было одиноко без тебя, а она оказалась рядом. Только и всего.

Презирая себя, Фредди чувствовал, как гнев его проходит. Любовь делает мужчину слабым. А он был мужчиной, настоящим мужчиной, что бы там ни сказали друзья, узнай они о тайной стороне его жизни. Он был боевым офицером, разведчиком, сходилась с врагами в рукопашной, вел своих людей в сражения. Он был сильным человеком, но, оказывается, не настолько, чтобы порвать с молодым любовником, который беззастенчиво обманывал его и делал из него дурака.

Фредди вдруг почувствовал бесконечную усталость.

– Послушай, – сказал он, – я только что видел Ротема.

Нет, я не открылся ему. Пока, во всяком случае. Но не это главное. Происходит что-то странное. Может, все не так серьезно, но я подумал, что тебе следует знать. Произошло несколько подозрительных несчастных случаев. Подробно-сти расскажу потом, а сейчас я просто хочу, чтобы ты поостерегся, хорошо?

– Ничего не понимаю. Ты говоришь как-то туманно. – Молодой человек оглянулся на закрытую дверь спальни. – Я сейчас же избавлюсь от женщины. Отправляйся домой и жди меня, ладно? Я приду, как только смогу. Тогда и поговорим.

С губ Фредди готов был сорваться горький упрек, но опять ему не хватило характера. Он в нерешительности постоял, потом согласно кивнул и повернулся к выходу.

– Фредди? – Последовала долгая пауза, потом молодой человек спросил: – Он знает обо мне?

Фредди остановился и сказал:

– Я не злоупотреблю твоим доверием и не раскрою тайны, пока ты сам не разрешишь.

Его слова были встречены улыбкой, от которой у Фредди сладко зануло сердце.

– Вот за что я люблю тебя, Фредди. Ты человек слова. Ну, иди. Я скоро присоединюсь к тебе.

Фредди пришел домой совершенно обессиленный. Почему он не пошлет своего любовника ко всем чертям? Но тогда между ними все будет кончено, а он этого не вынесет. Неужели у него нет гордости, чувства собственного достоин-

ства? Как он только терпит такое унижение? Господи, что с ним творится?

Он налил себе стакан бренди и в два глотка осушил его, потом устроился перед холодным камином с бутылкой в руке и с тоской задумался над своим будущим. Ему уже тридцать пять. Следовало бы жениться, завести детей. Мать так давно ждет этого. Фредди горько усмехнулся и снова наполнил стакан.

Жизнь все чаще казалась ему бессмысленной, и иногда ему хотелось умереть. Веки отяжелели, и Фредди на секунду закрыл глаза.

Ему приснилось, что он тонет, что вокруг горла обвились водоросли, невыносимо сдавили, не давая вздохнуть. Когда он наконец понял, что это не сон и кто-то пытается его убить, было уже слишком поздно сопротивляться.

Банк Рэнсома располагался в конце Пэлл-Мэлл, рядом с Черинг-кросс. Едва банк открылся для посетителей, у его дверей остановился кеб, из которого вышел модно одетый молодой человек. Войдя в банк, он обратился к мистеру Стивенсону, помощнику управляющего, и вскоре был препровожден в комнату без окон, находившуюся в подвальном этаже прямо напротив банковского хранилища. Несколько минут спустя посетителю принесли из сейфа чемоданчик и оставили одного.

Чемоданчик из натуральной кожи был невелик и не нов, хотя видно было, что за ним тщательно ухаживали. По бокам

чемоданчика блестели медью застёжки, на крышке красовалась медная же пластинка, на которой были выгравированы инициалы П.Р.Л.

Молодой человек достал ключ и открыл крышку. Он не первый раз проверял содержимое чемоданчика. Все было на месте – все, что могло обеспечить ему такую жизнь, о которой он всегда мечтал. Оставалось еще одно, самое главное препятствие, и, когда он устранил его, его терпение будет наконец вознаграждено. Он ждал три года и теперь чувствовал запах близкой победы.

Он просунул пальцы под кипу писем и документов и достал дамскую сумочку белого бархата, пожелтевшую от времени. Это была изящная бальная сумочка, вышитая бисером. Молодой человек открыл ее и, перевернув, встряхнул. На ладонь ему упал золотой браслет.

Браслет был украшен пятью камнями, выточенными из пяти разных драгоценных камней. Каждая камья не походила на другую. Общим было только обрамление из золотой филигрании в виде розочек и виноградных листьев. Браслет отличался тончайшей работой, но главное – он был залогом беззаботной и обеспеченной жизни.

Он спрятал браслет обратно, положил сумочку и несколько писем, вынутых из кармана, в чемоданчик, запер его и позвал клерка.

Спустя минуту ранний клиент покинул банк. «Скоро, – говорил он себе. – очень скоро все закончится». Он уберет

последнее препятствие со своего пути, и его мечта осуществится.

Катрин сама не понимала, зачем отправилась на Хэмпстедскую пустошь – то ли развлечься верховой прогулкой, то ли потому, что ей доставляло удовольствие мучить себя.

Было раннее субботнее утро, предвещавшее ясный день. Она оседлала Лису, чудесную лошадку – в чем, в чем, а в лошадях она разбиралась, – но настроение портило то, что ехать приходилось в дамском седле и к тому же шагом, сдерживая резвую лошадку. Ей бы хотелось мчаться наперегонки с ветром, без шляпы, так, чтобы волосы развевались, скакать во весь опор к вершине холма, самой высокой точке Хэмпстедской пустоши.

Но если бы она поддалась искушению, все в Хэмпстеде стали бы судачить о ней, удивляться, где это она научилась так хорошо владеть лошастью, а Макнолли пришел бы в ярость, и совершенно справедливо. Настоящие леди так себя не ведут. Он и без того был сердит на нее за ее выходку в тот вечер, когда она встретила Маркуса.

Катрин оглянулась назад и кивнула своему хмурому провожатому. Макнолли пришлось взгромоздиться на Дерби, старого пони, которого он обычно впрягал в их коляску, чем и объяснялось его дурное расположение духа. Дерби давно уже было пора на покой, но она не могла позволить себе купить новую лошадь. Лиса же принадлежала соседу, который

разрешил пользоваться ею в его отсутствие.

Кто-то окликнул ее. Эмили Лоури, миловидная темноволосяя женщина, отделилась от группы всадников и направлялась к ней. Катрин и Эмили дружили с тех пор, как Эмили поселилась в Хэмпстеде лет шесть назад. Несмотря на то, что Эмили недавно вышла замуж, у них по-прежнему было много общих интересов.

– Не забудь о четверге! – крикнула Эмили. – Будет особый гость.

Каждый третий четверг месяца Эмили собирала в своем доме на другом конце Хэмпстед-Хит узкий круг гостей. Катрин любила эти вечера, проходившие в непринужденной обстановке. Муж Эмили был молодым членом парламента, только начинавшим свою карьеру, и потому гости всегда были очень интересные. Обычно на эти вечера приглашался в качестве особого гостя человек, оригинально и смело мыслящий. Многие свои статьи Катрин написала после таких вечеров, вдохновленная беседами с этими неординарными людьми.

– Ни за что не пропущу твоего вечера, – ответила она. – Кто на сей раз будет особым гостем?

– Граф Ротем, – сказала Эмили, широко улыбнувшись.

– Ротем?

Эмили была довольна произведенным эффектом.

– Я точно так же удивилась, когда Уильям сказал мне об этом. Воскликнула: «Ротем? Но граф настолько выше нас по

положению, Уильям. Ты уверен, что он придет на наш скромный вечер? Может быть, ты его неправильно понял?» И Уильям ответил, что Ротем, в сущности, напросился в гости.

– Не знала, что Уильям знаком с Ротемом, – слабым голосом проговорила Катрин.

– Они и не были знакомы до прошлой недели. Их представил друг другу какой-то общий знакомый. Ах, это замечательно, правда, Катрин? Если Ротем примет участие в Уильяме, мой муж сможет сделать хорошую карьеру. Ротем близко знает всех нужных людей. Только не выдай меня Уильяму, Катрин. Ты знаешь его отношение к протекции.

Радостная Эмили отъехала от Катрин, чтобы поделиться хорошей новостью с кем-нибудь еще, кто попадется ей на глаза.

Ротем! Катрин была уверена, что в последнюю их встречу сумела наконец убедить его, что она не Каталина. Так почему же он напросился в гости к Эмили? Проклятие! Прекратит он когда-нибудь преследовать ее?

Первым побуждением было извиниться и сказать, что она не сможет прийти. Но, подумав, Катрин решила, что лучше встретить опасность лицом к лицу. У Маркуса, видимо, еще оставались какие-то подозрения. Что ей надо сделать, так это пойти ему навстречу и удовлетворить его любопытство. Чтобы у него не осталось и тени сомнения, что она действительно та, за кого себя выдает. Тогда он оставит ее в покое.

В этот вечер Катрин оделась с особой тщательностью. По-

ворачиваясь перед высоким зеркалом и вглядываясь в свое отражение, она сама была поражена тем, как эффектно выглядит, ничем не напоминая обычную скромную Катрин. Миссис Мак-нолли зачесала ей волосы наверх в виде короны и украсила букетиком шелковых розочек. Кожа, казалось, стала нежнее от румянца, окрасившего щеки. А что новое муслиновое платье с высокой талией и глубоким вырезом сделало с ее фигурой... Она содрогнулась при мысли о том, что сказала бы тетя Беа, увидев ее сейчас.

Нет, не простое желание покрасоваться заставило ее расщедриться на новое платье, говорила она себе. Конечно, ей было неприятно его замечание в тот вечер о «лохмотьях», бывших на ней, и что-то такое о том, что ее можно принять за мать шестерых детей. Шестерых детей! Она приложила ладони к своему плоскому животу. Но какое это имело значение, если она уже превратилась в старую калошу? Все, что она хотела, это выглядеть как можно больше непохожей на Каталину, смотреться настоящей англичанкой.

Катрин постаралась не думать о тете Беа, когда сунула ножки, обтянутые белыми шелковыми чулками, ставшими ей в десять шиллингов, в новые атласные туфельки на высоких каблуках. Десять шиллингов за пару чулок! Это расстроило ее даже больше, чем то, сколько пришлось выложить за платье. Платье хотя бы может послужить несколько лет. А чулки – еще повезет, если их хватит на один вечер. И вся эта роскошь только для того, чтобы сбить Ротема со следа? Она,

должно быть, сошла с ума.

Да, разум у нее действительно помутился. Ведь всякий, взглянув на нее, решит, что она пошла на такие ухищрения, чтобы завладеть вниманием графа. Катрин не успела решить, не стоит ли ей переодеться, как в дверь постучали и в комнату вошла миссис Макнолли.

– Посмотри-ка, он выглядит как новый, – сказала миссис Макнолли, показывая отутюженный плащ, который она несла, перекинув через руку.

Она нашла его, когда разбирала в мансарде сундук с вещами, принадлежавшими матери Катрин. Сундук перетаскивали в мансарду в царствование тети Беа, и миссис Макнолли прекрасно знала, по какой причине это сделали.

Насколько понимала миссис Макнолли, Беатрис Кортни была осколком ушедшей эпохи, пуританкой, ненавидевшей мирскую суету в любом ее проявлении, так что племянницы были лишены красивых платьев, праздников, танцев, посещений театра. Вместо этого – молитвы, рукоделие и зубрежка. Замечательные вещи, которые мать хранила для подрастающей Катрин, тетя Беа сочла баловством, способным лишь испортить девочку, и отправила их наверх, в мансарду. Когда она со своим Макнолли заглянула туда, они обнаружили, что мансарда забита картинами, зеркалами, коробками с «неподходящими» книгами, а также сундуками с одеждой, прекрасной одеждой, вроде того зеленого атласного плаща, который сейчас привела в порядок миссис Макнолли.

Они развесили картины и зеркала по всем комнатам, расставили безделушки. Катрин была в восторге – дом больше стал похож на тот, каким он был при матери. Потом миссис Макнолли решила перешить некоторые из платьев, найденных ими в сундуках, и Катрин с удовольствием носила их.

Миссис Макнолли с нежностью смотрела на Катрин, и в глазах у нее стояли слезы. Катрин выросла и превратилась в красивую, полную жизни молодую женщину, и в том не было никакой заслуги ее тетки. Напротив, Беатрис Кортни была перед ней виновата. Как и отец Катрин. Когда умерла жена, он поручил дочерей женщине, которая не имела ни малейшего понятия, как заменить им мать. Она оттолкнула одну девушку, а другую попыталась превратить в свое подобие. К счастью, характер Катрин сложился задолго до того, как суровая старая дева вошла в ее жизнь. И теперь, когда тети Беа не стало, Катрин – настоящая Катрин – снова стала собой.

Не хватало только одного, чтобы счастье миссис Макнолли стало полным. Она мечтала о том, чтобы Катрин встретила достойного мужчину, джентльмена, который оценил бы ее ум и в то же время проявил твердость и прекратил ее безрассудные вылазки в такие места, о которых леди и знать-то не полагается.

Мисс Макнолли подала плащ и, когда Катрин вдела руки в рукава, повернула ее и застегнула пуговицы. Потом отступила на шаг, окинула ее придирчивым взглядом и произнесла: – Ах, деточка, как радуется мое старое сердце, глядя на

тебя! Вот только никогда нам с Макнолли ни словечка не скажешь про свои сердечные дела, кокетка. Ладно уж, ступай. Он ждет тебя внизу.

Еще улыбаясь словам миссис Макнолли, Катрин ступила на лестницу и чуть было не упала, так неожиданно было то, что она увидела, – внизу ее поджидал не старый Макнолли, а Маркус.

– Хотел сделать вам сюрприз, – широко улыбнулся он.

Ему было приятно, что его появление произвело такое впечатление. А уж какое впечатление произвела на него Катрин, и говорить было нечего. Она поразила его настолько, что он на мгновение потерял дар речи.

– Зачем вам заботиться об экипаже, раз уж я еду мимо вас? Я встретил Макнолли и сказал, чтобы он не закладывал коляску. Надеюсь, вы не станете возражать?

Легок на помине, появился Макнолли и, сияя, уставился на нее. С верхней площадки лестницы озадаченно улыбалась миссис Макнолли. Катрин спустилась, не спеша натянула перчатки и сказала, специально для любопытных ушей:

– Ваша супруга едет с нами на вечер, лорд Ротем?

– Моя супруга?

– Да, леди Ротем, – сказала Катрин, выразительно посмотрев на Макнолли, а потом наверх, на его жену.

– А-а. Нет, может быть, в другой раз.

Надежда, написанная на лицах свидетелей этой сцены, сменилась разочарованием. Удовлетворенная произведен-

ным эффектом, Катрин выплыла на крыльцо.

Усевшись рядом с ней в карету, Маркус сказал:

– Я видел, какую замечательную лошадь Макнолли завозил в конюшню. Он рассказал мне, что это лошадь вашего соседа, который поехал кого-то навестить в Америку.

– Адмирал Коллинз пробудет там год, если не больше, – ответила Катрин, не понимая, куда он клонит.

– Значит, все это время лошадь будет в вашем распоряжении?

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Я подумал, что мы могли бы иногда устраивать прогулки верхом.

Нетрудно было представить, к чему это могло привести.

Ведь он знал по Испании ее манеру езды. Не испытывает ли он ее, продолжая предпринимать попытки разобраться, кто она – Каталина или все же англичанка?

– Да, бывает, я выезжаю на Лисе, – сказала Катрин, – но верховая езда не привлекает меня.

Она подумала о своих бешеных ночных скачках по Хэмпстедской пустоши, когда никто не мог ее увидеть, и отвернулась, чтобы он не заметил веселого огонька в ее глазах.

– Кто же тогда заботится о том, чтобы она не застоялась?

«Неужели этот человек никогда не успокоится?» – подумала Катрин и ответила:

– В основном Макнолли, но и я тоже иногда выезжаю. – И, предупреждая дальнейшие каверзные вопросы, сказала:

– Подозреваю, вы специально напросились в гости к Лоури, потому что знали, что я буду там.

– Вы правы.

– Откуда вам известно, что Эмили и Уильям мои друзья?

– Вы мимоходом упомянули о них при нашей последней встрече.

Теперь и она вспомнила об этом и обругала себя за неосмотрительность. Некоторое время Катрин сидела молча, опустив ресницы и внушая себе, что надо сохранять самообладание. Она ни в коем случае не должна поддаваться ему, но нельзя и провоцировать его, вести себя вызывающе. А главное, нельзя дать ему понять, насколько сильно она ненавидит его.

Она твердо посмотрела на Маркуса.

– Вы преследуете меня, милорд. Мне это не нравится. Чего вы от меня хотите?

Он удивленно поднял брови и коротко рассмеялся.

– Мне это тоже не нравится, но сейчас я не хочу говорить об этом. Вы – загадка для меня, Катрин. Мне многое хотелось бы узнать о вас. Вы не выходите у меня из головы.

– Если я удовлетворю ваше любопытство, обещаете оставить меня в покое?

Последовала напряженная пауза, затем он пожал плечами и скрестил руки на груди.

– Что ж, если вы того желаете...

Как он еще может сомневаться, что именно этого ей и хо-

чется? Она согласно кивнула, вздохнула глубоко и спокойно спросила:

– Что вы хотите узнать?

– Вы когда-нибудь были близки с женщиной? – Маркус не мог удержаться, чтобы не поддеть ее, заставить выйти из себя.

Катрин вскинула голову, увидела ухмылку на его лице и взорвалась:

– Что вы себе позволяете! Мне следовало этого ожидать! Вы совсем не умеете разговаривать с дамами?

Она сделала движение, чтобы открыть дверцу кареты и выпрыгнуть на ходу, но он схватил ее за руку и усадил на место.

– Я полагал, что вы так отреагируете, но, при знатся, слабо в это верилось, – смеясь сказал Маркус.

Катрин выдернула руку.

– Слабо верилось? Что это значит?

– Вы живете одна, – пожал он плечами. – И одна, без провожатого, едете в закрытой карете с женщиной, как вы говорите, сомнительной репутации. В моем кругу это обычно означает, что дама готова, скажем так, принять некое предложение.

– Я, слава богу, не принадлежу к вашему кругу. Мне никогда не требовался провожатый, пока я не столкнулась с вами. Я не высокородная леди, лорд Ротем. Я серьезная, порядочная девушка, которая зарабатывает на жизнь своим тру-

дом, и муж чины моего круга тоже серьезные и порядочные.

Удостоверившись, что она не собирается высказывать из кареты, Маркус отпустил ее.

– Я не извиняюсь за свой вопрос, – сказал он. – Будет проще, если мы отбросим светские условности. – Внезапно сменив тему, он спросил: – Вы сказали, что сами зарабатываете на жизнь. Чем же, позвольте узнать?

«Будет проще...» Она оставила попытки понять его странный способ выражать мысли. Это не самое главное, о чем ей следует беспокоиться. Он намеренно провоцировал ее, получая от этого удовольствие и заставляя ее нервничать. Если она вспылит, то сгоряча может сказать что-то лишнее.

Катрин решила, что нет смысла скрывать тот факт, что она пишет для «Джорнэл». Чем раньше он поймет, что она та, за кого себя выдает, тем скорей уйдет из ее жизни.

– Я пишу для «Джорнэл», – сказала она, – статьи, очерки и прочее в том же роде.

– Не совсем понимаю.

Остаток пути до дома Эмили Катрин рассказывала ему о своей работе. Он был и восхищен и шокирован.

– Э.-В. Юмен, – сказал он. – Остроумно.

Это, конечно, означает «женщина»¹. Черт, я даже читал кое-какие ваши статьи! Не знал, что женщины интересуются подобными вещами.

---

¹ Псевдоним, под которым пишет Катрин, A. W. Euman, представляет собой слегка измененное английское «a woman» – «женщина»

Это был сомнительный комплимент, но она сдержалась и только сухо ответила:

– Благодарю.

– Но «Джорнэл»! Я действительно поражен.

Должно быть, вам нелегко было убедить редактора – Мелроуз Ганн, так, кажется, его зовут? – относиться к вам серьезно. Не хочу вас обидеть, но ведь вы женщина.

– Все обстояло как раз наоборот, – стараясь удержаться от ехидства, сказала Катрин, – это Мелроуз Ганн уговаривал меня разрешить опубликовать мои очерки. Вы, кстати, увидите его сегодня. Он – двоюродный брат Эмили. Мы и встретились с ним на одном из ее четвергов. Милорд, вы, конечно, понимаете, что я рассказываю вам все это под большим секретом. Никто не должен знать, что Э.-В. Юмен – женщина. – Она и ему ничего не рассказала бы, не будь положение безвыходным.

– Почему никто не должен знать?

– Потому что никто не принимает женщин всерьез.

– Но Мелроуз Ганн ведь относится к вам серьезно, не так ли?

– Мелроуз – необыкновенный человек, – ответила она.

Они разговаривали о статьях Катрин, и Маркус спросил:

– В тот вечер, когда я вас встретил, чем вы занимались, искали материал для одной из своих статей?

– Конечно.

– Так вот почему вы оказались в доме миссис Спенсер.

Эми написала Катрин, что Ротем расспрашивал о ней, но она уверила его, что незнакома с дамой, которую он ей описал.

– Меня разыграли, – сказала она, – нарочно направили не в тот дом. Иногда такое случается. Поэтому я и ношу с собой пистолет.

Катрин постепенно успокоилась и отвечала на все его вопросы, даже на такие, которые он не задавал, но мог бы задать позже. А ей не хотелось возвращаться к подобному разговору.

Когда карета остановилась у дома Эмили, она обворожительно улыбнулась и сказала:

– Я сдержала слово и ответила на все ваши вопросы, милорд. Теперь ваша очередь. Надеюсь, вы исполните наш уговор.

Маркус помог ей выйти и задержал ее руку в своей.

– Мы уговорились, – сказал он, – что я больше не буду пытаться увидеть вас, если вы сами того не пожелаете. Но я надеюсь заставить вас изменить свое решение прежде, чем закончится сегодняшний вечер.

Он с удовольствием отметил, что в ее глазах мелькнуло тревожное выражение, и еще больше развеселился, когда она, гордо вскинув голову, ответила:

– На вашем месте я не слишком надеялась бы на это.

Выдернув свою руку, Катрин направилась впереди него к дверям.

Катрин могла не беспокоиться, что кто-нибудь осудит ее за то, что она так разоделась. Она была среди друзей. К тому же каждый постарался предстать перед Ротемом во всем своем блеске. Некоторых дам даже трудно было узнать: светлые кисейные платья, белые шелковые чулки и шелковые же розы в вычурных прическах. Так что она ничем не выделялась среди них. Джентльмены, в свою очередь, словно старались перещеголять друг друга невероятными жилетами, у одних – в полоску, у других – украшенные шитьем, а у третьих – пестрые, как павлиньи перья. Маркус был одет скромней всех, и это вызвало в ней раздражение. У нее было такое чувство, будто он сделал это намеренно, чтобы выставить всех дураками.

Она с облегчением вздохнула, когда к ним подошел Мелроуз Ганн и увел ее от Маркуса. Мелроуз был человек лет под сорок, с запоминающейся внешностью, с серебряными нитями в темных волосах. Самый подходящий холостяк в их кругу, средоточие всех качеств, какие привлекали ее в мужчинах. Он ценил ее ум, интересовался теми же вещами, которыми интересовалась она, и поощрял ее желание писать о них. Катрин знала его почти так же давно, как Эмили. Он просил ее руки, но она ответила отказом – и не потому, что была несвободна. По ней, говоря откровенно, Мелроуз был слишком скучен, и если бы он знал, какая она на самом деле, то бежал бы от нее без оглядки.

– Вижу, вы приехали с Ротемом.

– Да, – ответила она, принимая предложенный им бокал пунша, – он довез меня в своей карете. Не правда ли, любезно с его стороны?

Уловив необычные нотки в ее голосе, Мелроуз внимательно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на гостей, окруживших Маркуса, и осторожно заметил:

– Женщины, наверно, находят его привлекательным.

– О, он очень привлекателен. – Катрин была совершенно искренна в своем ответе.

Она не могла объяснить, в чем заключается привлекательность Маркуса, но знала, что не в силах противиться его обаянию, несмотря на то, что он не нравился ей и не внушал уважения. Это и делало его столь опасным.

Мелроуз неторопливо потягивал пунш. Потом спросил:

– Говорят, он порядочный волокита, как и его отец в свое время.

Она ласково похлопала его по руке.

– Если, Мелроуз, вы хотите таким образом предупредить женщину, то все делаете не так. Не говорите ей, какой он ловелас. Женщина всегда думает, что уж она-то перевоспитает его. Нужно поступать иначе: напомните ей, что он женат. Это обязательно подействует.

Маркус в течение вечера наблюдал за Катрин и ее собеседником. Он слишком хорошо умел владеть собой, чтобы позволить обнаружить свое любопытство, слишком честен, чтобы отрицать, что непринужденность джентльмена вызвала в

нем внезапное раздражение. Не прошло и часа, как он осторожно выведал у Эмили все, что можно, о Мелроузе Ганне и его отношениях с Катрин Кортни. Катрин, сказала Эмили, – ее лучшая подруга, а Мелроуз – двоюродный брат. Она разочарованно поведала ему, что Катрин и Мелроуз никогда не поженятся – слишком долго они остаются просто друзьями.

Маркус продолжал осторожно расспрашивать то одного, то другого гостя о Катрин. Он узнал, что в двенадцатилетнем возрасте она потеряла мать, что воспитывалась ужасной брюзгливой теткой, что ее сестра сбежала из дому, когда Катрин было четырнадцать, и с тех пор о ней никто ничего не слышал. О безвременной смерти в Португалии ее отца он уже знал.

Он пытался представить на месте Катрин, – живущей одиноко, вынужденной самой зарабатывать себе на жизнь, – других женщин и не мог. Его удивляло, что она не пошла по легкому пути и не вышла за Мелроуза Ганна, который, что, очевидно, был бы счастлив видеть ее своей женой.

За весь вечер у него не было возможности сказать Катрин и нескольких слов. Как почетный гость, он был в центре внимания. В отличие от балов у крестной матери с их скукой и пустой болтовней, здесь с увлечением рассуждали о политике и религии, причем даже дамы принимали участие в спорах. У каждого было свое мнение по любому вопросу. К концу вечера он начал подумывать, что у скучной необязательной болтовни все же есть своя положительная сторона.

С Мелроузом Ганном ему так и не удалось поговорить, пока они с Катрин не собрались покинуть вечер. Катрин представила их. Они с тщательно скрываемой неприязнью приглядывались друг к Другу, но оставались вежливыми. Маркус узнал, что Ганн остается у Эмили и Уильяма, так что вопрос о том, кто проводит Катрин, отпал сам собой. Впрочем, Маркус пожалел об этом, поскольку лишился удовольствия продемонстрировать свое превосходство над Мелроузом.

Усевшись рядом с Катрин, он весело хмыкнул, подал знак кучеру, и карета неторопливо покатила по дороге.

– Что вас так развеселило? – спросила она, поправляя растрепавшуюся прическу.

– Что? А, вопрос о правах территорий. Мне казалось, что я выше подобных вещей.

– Не понимаю вас.

– И не поймете.

– Почему же не пойму?

– Потому что вы женщина.

Повисло странное молчание. Что-то мелькнуло и исчезло в его глазах. Катрин перестала нервно поправлять цветы в своих волосах. У нее перехватило дыхание.

– Что с вами? – мягко спросил Маркус.

Он весь вечер не мог отвести от нее глаз. Самый искусный художник был бы бессилен передать теплое сияние ее волос, нежный румянец на щеках. Он любовался ее плавными движениями, ее оживленным лицом и жестами, когда она

говорила о чем-то, что интересовало ее. Он знал, что его тянет к ней. Она вызывала в нем восхищение, уважение, пробуждала благородные чувства. Но сейчас, сидя рядом с ней в закрытой карете, впивая исходящий от нее благоуханный аромат, он чувствовал, как в нем поднимается нечто темное, первобытное, побуждающее наброситься на нее, овладеть ею. Только одна женщина до этого пробуждала в нем такое необоримое желание – Каталина.

– Должно быть, я схожу с ума, – пробормотал Маркус и потянулся к ней. – Нет, не сопротивляйтесь. Не надо бояться. Успокойтесь и позвольте мне... позвольте... – Он притянул ее к себе и приник к ее устам.

Она тоже весь вечер то и дело поглядывала на него и удивлялась мощному обаянию, которое исходило от этого необыкновенного мужчины. Эти чувственные губы, голубые глаза, загоравшиеся, когда разговор увлекал его. Она старалась оставаться равнодушной, действительно старалась, но, когда видела, как он откидывает со лба волнистую прядь темных волос тем жестом, который она запомнила с Испании, что-то в ней таяло.

Теперь, в теплом коконе полутемной кареты, Катрин растаяла совсем. Она уже была не Катрин – но вновь Каталина, а он – прежний Маркус.

Ее губы уступили его настойчивым губам, раскрылись, ощутив нежное прикосновение его языка. Он погрузил пальцы в ее волосы, освобождая их от шпилек и цветов, собрал в

кулак шелковистые пряди. От ее пьянящего аромата кружилась голова, и хотелось утонуть, раствориться в ней.

Она потеряла власть над своими мыслями, чувствами. Никогда прежде она не испытывала столь острого ощущения. В ушах стоял оглушительный шум, сердце бешено колотилось в груди, перед глазами все плыло. Беспомощно застонав, Катрин обвила руками его шею и прильнула к нему.

Его руки проскользнули под ее плащ и блуждали по телу. Но этого было мало; ему хотелось слиться с ней воедино. Поцелуй разжег страсть в них обоих.

Маркус с трудом оторвался от нее. Некоторое время они сидели молча, говорили их глаза. Карета покачнулась на ухабе, и их бросило друг к другу. Она притянула его голову, чтобы возобновить поцелуй.

Он посадил ее себе на колени и принялся ласкать. Катрин и не думала сопротивляться; вся ослабев, она позволила его рукам блуждать по ее телу.

Маркус знал, что значит желать женщину, но такого с ним не бывало никогда. Нет, это было не наслаждение, это было безумие. Ему хотелось овладеть ею прямо здесь, в карете, и владеть ею так безраздельно, чтобы она поняла, что принадлежит только ему. И всегда будет принадлежать ему одному.

У него было такое чувство, будто он бежит сломя голову к высокому обрыву. Это творилось будто не с ним, а если с ним, то он не узнавал себя. Она еще не знала мужчины. Нельзя было бросаться на нее, подобно распаленному быку.

Надо взять себя в руки, не торопиться, дать ей действовать самой.

Маркус нежно расцепил ее руки, обнимавшие его за шею. Длинные ресницы дрогнули, и она непонимающе взглянула на него. Он попытался улыбнуться.

– Каталина... – проговорил он.

В следующее мгновение она отпрянула от него и забилась в угол кареты.

– Я не Каталина! Не ваша жена! – закричала она. – Не Каталина!

Маркус закрыл руками лицо.

– Простите меня, сорвалось с языка. Я хотел сказать – Катрин.

Он не был уверен, что говорит правду. В какой-то миг их страстных объятий Каталина и Катрин слились в его сознании в одно. Это была непростительная ошибка, какой с ним прежде никогда не случалось, и он почувствовал себя неловко, как неопытный юнец, впервые имеющий дело с женщиной.

– Не следовало вам целовать меня. А мне не следовало позволять вам это делать. – Голос ее дрожал, дыхание прерывалось. – О боже! Как я могла забыть, что вы женаты?

– Вам не в чем укорять себя, – сказал Маркус.

У нее в глазах блеснули слезы, и ему хотелось обнять ее, поцеловать эти глаза. Но он прекрасно понимал, что произойдет, если сейчас осмелится коснуться ее. «Дьявол!» –

пробормотал он и нервно откинул со лба волосы. Маркус не отрываясь смотрел на нее пронизывающим взглядом, сжимая и разжимая кулаки. Ему хотелось опять целовать ее, прижаться к ней, довершить начатое. Его тело по-прежнему мучительно стремилось к ней.

Неожиданно он встал и взялся за ручку дверцы.

– Нам необходимо поговорить, но не здесь, а потом, когда приедем к вам и будем не одни.

Маркус распахнул дверцу и одним ловким движением выбрался на крышу кареты, оттуда спрыгнул на козлы, к кучеру. В первый момент ей показалось, что он собирается выброситься на ходу из кареты, и она в ужасе вскрикнула. Когда он ногой захлопнул дверцу, она откинулась на сиденье и закрыла ладонями пылающее лицо.

Он был опасен, опасней, чем прежде. В его объятиях она таяла как воск и даже не пыталась оттолкнуть его. Мог ли какой-нибудь мужчина так сводить женщину с ума? Нет. На такое был способен только Ротем!

Она коснулась припухших губ. При воспоминании о поцелуе ее охватывал трепет. Ни один мужчина не пробуждал в ней подобных чувств, заставляя до боли желать его. Но не Ротема, страшного и ненавистного, она желала, а Маркуса... О боже, как все смешалось!

Катрин услышала, как щелкнул кнут; карета рванулась, и ей пришлось ухватиться за раму окошка. Карета стремительно понеслась к дому. Копыта лошадей выбивали дробь. Рез-

ко, как выстрелы, звучали удары хлыста, деревья за окошком слились в сплошную линию.

Наконец карета резко остановилась. Дверца распахнулась, и Маркус помог ей выйти. Он увидел огонь, тлеющий в ее глазах. Будь они одни, он бы сделал так, чтобы вновь в них разгорелось пламя.

Пряча улыбку, Маркус повел ее к крыльцу.

– Что вы хотите? – возбужденно воскликнула Катрин.

Рука ее дрогнула, и несколько капель чая упали на платье. Не сводя глаз с Маркуса, она поставила чашку и машинально принялась тереть пятно платком. Нет, должно быть, она ослышалась. Это просто немыслимо, хотя, признаться, все, что он говорит, немыслимо.

Маркус встал, подошел к двери, которую из приличия оставил открытой, закрыл ее и вернулся к своему креслу. Они расположились в ее кабинете у камина, в котором пылал огонь, разгоняя вечернюю сырость.

– Я хочу, чтобы вы выступили в роли моей жены, – повторил Маркус.

Катрин вжалась в кресло, глядя на него округлившимися глазами. Сердце ее тревожно забилося. Минуту назад он говорил, что подозревает жену в желании убить его, и вот новость. Что за игру он затеял и как ей вести себя? Знает он все-таки или нет, что это она была Каталиной? Она должна взять себя в руки, должна и дальше вести себя так, будто она не жена его.

– Вы в своем уме? – спросила она. – Разве я похожа на испанку? Господи милосердный, я даже не знаю испанского языка!

Маркус терпеливо слушал ее возражения. Его трудности

ее не касаются. Она не расположена верить ему. Испанские патриоты? Эль Гранде? Подозрения Ротема, что жена пытается убить его? Все это звучит неубедительно. Спасибо, но у нее своя Жизнь. Одно из ее правил – никогда не вмешиваться в семейные отношения, не становиться между мужем и женой. Разве то, что он предлагает, законно? Кроме того, ей нужно работать над своими статьями. Его следует поместить в сумасшедший дом за одно только то, что он предлагает подобные вещи. Нет, она никогда не согласится.

Когда Катрин остановилась, чтобы перевести дыхание, он спокойно сказал:

– Я щедро расплачусь за вашу услугу. Пять тысяч фунтов, Катрин. – Он окинул пренебрежительным взглядом комнату, в которой они находились. – Не говорите, что вам не нужны деньги, потому что я знаю, это неправда. Просто послушайте меня, хорошо?

Как ни потрясена была Катрин, приходилось слушать.

– Пять тысяч фунтов – немалые деньги, – уклончиво ответила она.

– Полагаю, мое предложение заинтересовало вас, – сухо сказал Маркус.

Налив себе бренди из бутылки, которую загодя поставил им Макнолли, и, сделав глоток, он рассказал ей об обстоятельствах его женитьбы на Каталине и закончил так:

– Может быть, она вышла за меня только в расчете, что я погибну на войне и она получит значительную долю моего

состояния. Но вопреки ее ожиданиям, я уцелел, поставив ее теперь перед необходимостью покончить со мной собственноручно. И это может ей удастся – если я не найду ее первым.

– Но ведь вы могли бы, – сказала она, когда он замолчал, – просто объявить ваш брак недействительным? Вас явно обманом вынудили пойти на этот шаг. Думаю, что в Англии ваш брак даже не имеет никакой юридической силы.

– Вы ошибаетесь, – сказал Маркус. – Не забывайте, время было военное и все происходило в зоне боев. Свидетелями на бракосочетании выступали английские офицеры. Многие англичане женились в то время на испанках – при необычных обстоятельствах, и их браки считаются законными. Почему мой случай может считаться особым?

– Ну а если не было супружеских отношений?

Катрин спросила только потому, что чувствовала: он ждет от нее этого вопроса. Сама она уже знала ответ. Вернувшись в Англию, она предприняла попытки все выяснить о возможности развода и, к своему ужасу, узнала, что понадобятся усилия целой армии адвокатов и судей, чтобы поставить под сомнение законность их брака. Даже тот факт, что она выступала под чужим именем, не был основанием для признания брака недействительным. Она рассчитывала на то, что Ротем использует деньги и все свое влияние, чтобы найти выход из положения.

– Как я это докажу? Кроме того, вопреки мнению большинства, брак считается законным, даже если между супру-

гами не было близости. Человеку моего положения очень трудно добиться аннулирования брака. Решение суда предсказать невозможно, и если оно окажется не в мою пользу, значит, мне до конца дней своих не избавиться от Каталины. А мне нужно думать о своих наследниках. Но в любом случае все это не будет иметь значения, если ей удастся раньше убить меня.

– Что же делать?

– Разводиться, Катрин. Только не в Англии, конечно. Это легче сделать в Шотландии. Я все уже разузнал. Нужно лишь согласие Каталины. Но она должна быть здесь, собственной персоной, прежде чем я смогу начать что-то делать.

Катрин наконец поняла, почему Ротем не предпринимал никаких шагов для признания брака недействительным сразу же по возвращении в Англию. Тогда в Испании она хотела наказать его за обман, за то, что он выдавал себя за простого офицера, каким она его и полюбила, тогда как он на самом деле был графом Ротемом. Тем самым Ротемом, который сломал жизнь Эми и которого она всем сердцем ненавидела за это.

Она хотела заставить его страдать, заставить чувствовать себя несвободным, бояться, что когда-нибудь его «испанская жена» появится на пороге его дома. Ей не приходило в голову, что именно этого он и ждал.

По иронии судьбы, наказывая его, она наказывала и себя. Не то чтобы Катрин еще тешила себя романтической на-

деждой полюбить идеального мужчину и выйти за него замуж. Как раз наоборот. В свои двадцать шесть она уже смирилась с мыслью, что останется старой девой, и это перестало ее беспокоить. Ей не хотелось терять своей свободы, что непременно произошло бы, будь она замужем фактически, а не фиктивно.

Ротем был ее мужем, и это давало ему огромную власть над ней, о чем в свое время Катрин не подумала. Муж мог сделать с женой что захочет; закон давал ему такое право. Он мог отобрать у нее дом, запретить ей сотрудничать с журналом или запереть в своем замке. А Ротем к тому же наверняка захочет отомстить ей за то, что она сделала с ним в Испании.

Катрин исподтишка разглядывала его, и ей становилось понятно, почему ее старшая сестра не устояла перед ним. Такой мужчина, донжуан с молодых ногтей, знал, как покорять женщин, как сводить их с ума. На нее он тоже произвел впечатление. Конечно, сейчас он застал ее врасплох. Не то же ли самое произошло с Эми?

Мысль о сестре пробудила в ней старую ненависть. Она старалась подавить в себе это чувство, напоминая себе, что в поединке с этим человеком нельзя поддаваться эмоциям, надо сохранять холодный рассудок, все время быть начеку. Возможно, он тоже ведет свою игру, более сложную, чем она.

Прежде чем заговорить, Катрин налила себе горячего чая, отпила глоток.

– Что заставляет вас думать, что жена желает вашей смерти?

Маркус внимательно посмотрел на нее, словно пытаясь проникнуть в ее мысли.

– На меня в Лондоне было совершено нападение. В Гайд-парке, если быть точным. Кто-то устроил на меня засаду, спрятавшись в кустах.

– Почему вы считаете, что ваша жена имеет отношение к этому? – настаивала Катрин. – Может быть, это были грабители? Нападения в городе стали обычным делом.

– Случайные – да, – согласился Маркус, – но это нападение было подстроено. Я получил записку от дамы, назначившей мне встречу у моста через Серпентайн. Выяснилось, что она не писала мне.

– Может, это была просто неудачная шутка, – не сдавалась она, – или это был муж той дамы, который невзлюбил вас.

На губах Маркуса мелькнула улыбка.

– Я стараюсь не иметь дела с замужними дамами, – уточнил он. – А если такое случается, джентльмены моего круга решают спор на поле чести.

– На дуэли!

Он не обратил внимания на ее язвительный тон.

– Это была засада. Нападавший или нападавшие совершенно определенно охотились за мной. А я даже не был вооружен. Мне оставалось одно: прыгнуть в воду, переплыть на другой берег и скрыться в зарослях.

Она покачала головой, все еще полная сомнений.

— Но что все же заставляет вас думать, что за этим нападением стояла ваша жена? У вас должны быть и другие враги, не так ли? Хотя бы ваш наследник.

— Пеннистон? — Маркус засмеялся. — Единственное, что интересует моего брата, это лошади и сельское хозяйство. Нет. — Он поднял руку, прося ее дать ему договорить. — Я не утверждаю, что стреляли Каталина или ее брат, но они могли воспользоваться услугами наемных убийц.

Она не могла защищать Каталину или Эль Гранде без того, чтобы не вызвать его подозрений, а потому спросила только:

— Неужели некому было прийти вам на помощь? В Гайд-парке обычно много народу.

— Это случилось довольно поздно, как раз перед закрытием парка. Люди сбежались на выстрел, но никого не обнаружили.

— Мне все-таки с трудом верится, что за всем этим стоит ваша жена, — тихо сказала Катрин.

— Моя жена и ее брат. Не забывайте об Эль Гранде. А недавние события еще более усилили мои подозрения.

Маркус встал и со стаканом в руке принялся расхаживать по комнате. Остановился у балконной двери и отдернул штору. На улице было темно, и в черном стекле отражалась освещенная комната. Он резко повернулся к ней.

— Неделию назад мой хороший друг был убит в собствен-

ном доме. Полковник Фредерик Барнс. Вы слышали об этом?

Она молча кивнула. Сообщение об убийстве было на первой полосе «Джорнэл». Глаза Маркуса вспыхнули.

– Он был одним из свидетелей на моей свадьбе с Каталиной. В горном убежище Эль Гранде, когда я был там, находилось семеро англичан: пятеро драгунских офицеров и двое стрелков. На сегодняшний день в живых осталось лишь двое – я и один из стрелков. – Он стиснул стакан. – Другой стрелок погиб в бою. Четверо офицеров умерли при странных, вернее, подозрительных обстоятельствах, хотя только о смерти Фредди можно с уверенностью сказать, что это было умышленное убийство. Теперь вы понимаете?

– Не совсем. О каких подозрительных обстоятельствах вы говорите?

– Всякий раз это был несчастный случай – или то, что казалось несчастным случаем. Причем всякий раз не было никаких свидетелей.

– Ясно, – кивнула Катрин, на которую рассказ Маркуса произвел впечатление. – Продолжайте.

– Не считая того, что мы все англичане, только одно связывало нас – что мы в одно и то же время находились в лагере Эль Гранде.

Катрин помнила англичан, которые были вместе с Маркусом в монастыре, но помнила весьма смутно. Она старалась избегать их на тот случай, чтобы кто-то, видев ее, не узнал

ее потом. Она избегала бы и Маркуса, если бы он не был, когда его принесли с поля боя, большую часть времени без сознания.

Он ждал, что она скажет.

– Это могло быть просто совпадение, – пожала Катрин плечами.

– А могло и не быть. Подвергшись однажды нападению, я был бы настоящим глупцом, если бы столь явные совпадения не вызвали у меня подозрений.

– Так вы считаете, что Эль Гранде и Каталина стоят за этими четырьмя-пятью смертями?

– Но ведь он пригрозил, что убьет моих товарищей, если я не женюсь на его сестре.

– Пригрозил?.. – Ей смутно помнилось, что Эль Гранде чем-то грозил Маркусу, когда она обвинила его в попытке изнасилования, но чем именно, это не удержалось в ее памяти. – Но ведь вы все-таки женились на его сестре. И он наверняка мог, если бы захотел, тогда же и убить ваших друзей.

– Может, это было предупреждение на будущее.

Видя, что не удастся изменить его мнение об Эль Гранде, она заговорила о другом:

– А тот стрелок, который все еще жив? Каким образом ему удалось избежать смерти или нападения?

Маркус глотнул бренди и вернулся в кресло.

– Я не знаю, кто он, не представляю, где его найти. Подозреваю, что он тоже мертв.

– Но вы сказали, что он был в испанском монастыре в одно время с вами. Вы должны знать, кто он такой!

– В том-то вся беда. Я не сталкивался ни с одним из стрелков. Они были добровольцами, обыкновенными солдатами, а, как правило, солдаты сторонятся офицеров и держатся особняком. Не забывайте, что меня к тому же поместили отдельно от остальных. Как тяжелораненого, положили в отдельной комнате, комнате Каталины. Как раз в эти дни после смерти Фредди я пытался разузнать, кто были эти стрелки, но никаких сведений о них не осталось, а те люди, которые могли бы что-то рассказать о них, все мертвы.

– Я что-то не понимаю, – подумав секунду, осторожно сказала Катрин, – как это связано с тем, что вы рассказали. Если ваши друзья были свидетелями на свадьбе, не лучше ли для Каталины, чтобы они оставались живы и могли подтвердить ее слова?

– Это лишь так кажется, – ответил Маркус. – В этой истории есть много такого, что не видно с первого взгляда. Я еще не разобрался, какую игру ведет Каталина, но не намерен сидеть сложа руки и ждать ее следующего шага.

Ей в голову пришла неожиданная мысль.

– Я почему-то думаю, – неуверенно сказала она, – что у Эль Гранде больше врагов, чем у вас. Что, если охотятся за ним? Как я слышала, между испанцами часто возникали враждебные отношения. Может быть, кто-то затаил на него злобу.

– Поверьте, я не исключаю всякой возможности. В выражении его лица было что-то такое, отчего она вся похолодела. В горле у нее пересохло, пришлось откашляться, прежде чем она смогла заговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.